

Лето в лагере тос

Фрелыкс
массов

17 коп.

МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ

235

**Феликс
Махов**

Лето в лагере ТОС

(Записки военкора)

ИЗДАТЕЛЬСТВО ЦК ВЛКСМ
«МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ»
1970

Эта книга о так называемых „трудных“ подростках, о тех, кому не встретился вовремя умный, взрослый друг, который был бы советчиком, который пошел бы с ним на футбол, посоветовал бы прочесть нужную книгу, научил быть честным, смелым, добрым, который бы отдал ему не только часть свободного времени, но и часть своей души.

Разговор пойдет об этих ребятах и о тех, кто пришел им на помощь, — коммунисте, начальнике лагеря для „трудных“, воспитателях, молодых рабочих, комсомольцах.

Книга не только о том, что удивалось им в работе с мальчишками, а и об их ошибках. Она о том, что ребятам нужны помощь взрослых, и о том, что не нужны так называемые няньки.

Конечно, кое-что было воспитателями упущено. Например, совершенно очевидно, что не удвалось им за несколько месяцев привить некоторым ребятам любовь к труду, а это, как известно, один из важнейших моментов в воспитательной работе.

Но работа эта кропотливая, и сама она, и разговор о ней с этой книгой не окончен.

Проблема подростка. Существует ли она? Конечно, да. Существует потому, что этому возрасту присущи свои, особые черты. И еще потому, что мы подчас проявляем о подростке значительно меньше заботы, чем того требует его живая, пытливая, сложно формирующаяся личность.

Все мы знаем, что растущий человек должен быть объектом пристального внимания каждой семьи, каждой школы, каждого коллектива. Должен, но не всегда бывает.

Именно о подростках, лишенных такого внимания семьи и школы, идет разговор на страницах этой книги. В ней рассказывается об опыте энтузиастов, создававших первые летние лагеря для так называемых «трудных» ребят.

Сегодня уже не нужно убеждать кого-либо в полезности подобных лагерей. В Ленинграде и Ленинградской области около трех тысяч подростков ежегодно приобретают в них хорошую физическую подготовку, навыки коллективного труда, встречаются с интересными людьми...

Многим лагерь или студенческий строительный отряд дает путевку в жизнь. Одни продолжают занятия в общеобразовательной школе, другие идут на заводы, третьи поступают в технические училища, чтобы получить специальность, которая полюбилась им в лагере.

Пять лет существования лагерей показали: не обязательно заниматься подростком «по долгу профессии». Согреть душу вступающего в жизнь человека, помочь ему вырасти настоящим советским гражданином может и рабочий, и студент, и работник милиции, и журналист... Была бы любовь к людям, было бы сознание своего долга!

Опыт учит нас тому, что эпизодическая работа с «трудными» не достигает цели. Нужны постоянные, кропотливые усилия многих людей и организаций. И они, эти усилия, не терпят сезонности. Дело, начатое летом в лагерях, необходимо продолжать зимой в клубах — таких, например, каким располагает сегодня лагерь РВС, преемник ТОСа. Сюда должна привести мальчишку тяга к настоящим людям, любовь к технике, военным специальностям.

Книга Ф. Махова призывает всех нас быть внимательными к подростку, помочь ему ответить на волнующие его вопросы.

А. ТУПИКИН
секретарь Ленинградского обкома ВЛКСМ

Светлой памяти Кости Несмияна посвящает автор эту книгу о мальчишках, думающих, что подвиги можно совершать только на войне или в космосе.

Я не знаю, кто первый
ввел в педагогический
оборот слово "труд-
новоситуемый", но
я уверен, что
сделав это, он был и чест-
ный человек.

В „ГРЕНАДЕ“ НА ВЫБОРГСКОЙ

В небольшом кафе «Гренада» на Тихорецком проспекте в Ленинграде за празднично накрытым столом три десятка подростков внимательно слушают неувядаемые светловские стихи. На стене приколото кнопками выгоревшее красное полотнище, на котором с трудом можно различить три буквы: «ТОС»

Уже выпит лимонад, съедено мороженое, сказано много. Пора расставаться. Впереди новый учебный год. Кто встретит его в старой школе, кто в профессионально-техническом училище, а кто впервые пойдет работать. Вот звучит последняя команда: «Рота, в две шеренги становись! Равняйся! Смирно!» Это голос Алика Воронова, старшины роты. «Товарищ капитан, — четко докладывает он, — лагерь ТОС по вашему приказанию построен!» Подхожу. Приказываю снять со стены лагерное знамя. На нем автографы всех тосовцев, включая и воспитателей. Под автографами слова: «Пусть крепнет нерушимая наша дружба!» Беру знамя в руки и рассказываю ребятам об Испании, о дружбе, о Мате Залке, о Рома-

не Кармене, Илье Эренбурге, Хемингуэе, Рубене Ибаррури. И вдруг приходит в голову мысль: «А что, если... Черт побери, рискованно: может получиться дешевка, фарс, показуха... Но ведь «Гренада», наше знамя, все мы — это прежде всего дружба... Значит, можно, даже нужно...» И вот я уже команду сам: «Рота, смирно!» Смотрю в лица мальчишек, ставших мне родными за это трудное, беспокойное лето. Голос мой слегка дрожит, я волнуюсь: «Ваши отцы и деды целовали боевые знамена перед боями. У вас впереди тоже сражение — новый учебный год. Это сражение надо выиграть с наименьшими потерями. Второгодники будут считаться убитыми и на будущий год в лагерь ТОС не попадут. Давайте же поклянемся перед этим знаменем, что будем хорошо учиться, работать, помогать друг другу, что никогда не опозорим славное имя тосовца.

Я беру кончик кумачового полотнища, еще пахнувшего солнцем и ветрами, и медленно подношу его к губам. На строй не смотрю, но чувствую, что ни улыбок, ни хихиканья нет. Передаю знамя воспитателям — военным советникам. После них целует знамя старшина, затем командиры отделений и так вся рота...

Когда веселая гурьба ребят вывалилась из кафе и покатилась по Тихорецкому проспекту, ко мне подошла пожилая официантка:

— А мне говорили, что здесь самое хулиганье нашего района будет. Вот ведь как обманули-то старую. Какие они у вас дисциплинированные, вежливые. Прямо любо-дорого смотреть.

— А это и есть те самые трудновоспитуемые, которыми вас напугали, — с улыбкой ответил я. Еще три месяца назад я тоже думал, что ничего с ними сделать не удастся...

КАК ЭТО НАЧИНАЛОСЬ ?

Когда весной 1966 года мне предложили возглавить летний лагерь для «трудных» подростков Выборгского района, у меня потемнело в глазах. Впервые, это было так же неожиданно, как если бы

мне сказали, что моя семилетняя дочь состоит членом шайки фальшивомонетчиков. Во-вторых, по тону высокого начальства, проводившего совещание, я понял, что мое назначение — дело решенное. И наконец, в-третьих, у нас с женой был, конечно, свой, еще прошлой осенью тщательно разработанный план отдыха, который теперь безжалостно был брошен на растерзание тридцати пяти сорванцам. Состояние мое становилось все хуже по мере того, как я просматривал список моих будущих питомцев, который любезно вручил мне присутствующий на совещании представитель милиции. Было видно, что милиция без особого сожаления передает нам на лето эти «цветы жизни». «Ворует», «пьет», «хулиганит», «играет на деньги», «не хочет учиться», «совершал побеги из дома» — такие лаконичные характеристики красовались почти против каждой фамилии.

Очевидно, не обнаружив на моем лице выражения требуемой педагогической готовности, сидевший за председательским столом генерал поднялся, подошел ко мне и, похлопав по плечу, ободряюще, но, как мне показалось, не очень уверенно сказал:

— Мы думаем, что справитесь. Вы офицер, преподаватель, к тому же журналист. Вам, как говорится, и карты в руки.

Без особого энтузиазма поблагодарив за оказанное доверие, я вышел из генеральского кабинета и медленно пошел по улице, почему-то постоянно натыкаясь взглядом на пятнадцати-шестнадцатилетних подростков. «Сумею ли? Хватит ли выдержки, педагогического такта, выдумки, решительности и главное — той суровой доброты, без которой, как я понимал, немыслима никакая воспитательная работа вообще, а работа с такими ребятами в особенности?»

В полдень к райкому комсомола с опозданием на два часа притащился наконец потрепанный, дребезжащий, как копилка с медяками, автобус. Водитель, помахав перед моими глазами черными от смазки и грязи руками, ехать наотрез отказался.

— В такую дагы! На целый день! Ну уж дудки. Такого уговора в ГАИ не было. Да мы и не до-

едем, — категорически заявил шофер. — Он у меня только в черте города ходит. А как за город выехал, сразу стоп — и ни с места. Загорай — не хочу, пока отбуксируют. Вот так, товарищ начальник. Ищите себе другой транспорт, — не без удовольствия заключил он, так как уже успел понять, какие пассажиры его ожидают. Пестрая, галдящая орава моих пацанов готовилась к тому, чтобы штурмом овладеть лучшими местами у окошек.

После долгих переговоров секретаря райкома комсомола с автомобильным начальством водителю было приказано все-таки отвезти меня с ребятами в район расположения будущего лагеря. Забрать нас должна была другая машина. Ее клятвенно обещал раздобыть вспотевший и измученный секретарь райкома.

Несмотря на то, что перед посадкой я построил «лучших людей района» в колонну по два и даже по всем правилам зычным командирским голосом подал уставную команду: «По машина-а-а-а-м!» — через считанные секунды в автобусе началась форменная свалка. Кто-то кого-то оттаскивал от окна за волосы, какой-то черный юркий мальчишка размахивал оторванной от окна резиновой прокладкой, а один из старших подростков, удобно устроившись у окна, даже небрежно вставил себе в рот сигарету. Как ни странно, «копилка», подождав минуты три всеми своими связками, сумела все же сдвинуться с места, открыв тем самым регулярное движение на новой линии: проспект Карла Маркса, РК ВЛКСМ — город Красное Село, трудовой военно-спортивный лагерь для трудновоспитуемых подростков.

Я не знаю, кто первый ввел в педагогический обиход слово «трудновоспитуемый», но почему-то уверен, что сделал это сухой и черствый человек. В самом деле, разве есть легковоспитуемые дети? Таких не бывает. Воспитывать всегда трудно. Вся разница лишь в том, кто и как воспитывает. Иногда, наломав дремучий лес воспитательных ошибок, фатально разводят руками и поспешно зачисляют Кольку или Генку в разряд трудновоспитуемых, совершая тем самым еще одну, самую большую и самую серьезную ошибку. Как часто мы не понимаем, что удобный,

идеально послушный двенадцати-пятнадцатилетний старичок куда более трудновоспитуем, чем его стреляющий из рогатки сверстник. Как нередко, советуя сыну складывать копейки в копилку, мы думаем, что оберегаем его от расшибалки, и не хотим понять, что в этом возрасте нет ничего страшнее воспитания в подростке эгоизма и жадности.

Мне рассказывали об одном таком мальчишке, ученике седьмого класса. Его ставили в школе в пример за послушание, вежливость и дисциплинированность. И никто долгое время не знал, что он, как удельный князек, собирал ежедневно дань со второклассников, которых «опекал» и «воспитывал». Думаете, что и после раскрытия всей этой истории кто-нибудь счел его трудновоспитуемым? Ничего подобного. Ему прочитали получасовую нотацию и, увидев обильные слезы раскаяния, перебросили с седьмого «А» в седьмой «Б». А вот на другого парнишку за подозрение (!) в соучастии ограбления ларька с газированной водой была по всем правилам в отделении милиции заведена карточка. Только лишь на этом основании он попал в наш лагерь. В списке против его фамилии в графе «характер правонарушений» было написано: «Склонен к воровству». Не воровал, а именно «склонен».

«Трудный» ребенок... Кто виноват в том, что многие родители, убедившись в бесполезности применения мер физического воздействия, бегут в райком комсомола, в школу, в домком или милицию и настойчиво требуют обратить на их ребенка «особое внимание». Бывают, конечно, всякие жизненные коллизии, но основная причина такой несостоятельности кроется не в психологии ребенка, а в психологии взрослых. Дети не только рождаются, но и воспитываются в муках. Они отнимают у воспитателя (у родителей прежде всего) здоровье, нервы, время. А ведь именно с этими ценностями мы расстаемся неохотнее всего (даже ради собственных детей). И как часто, не осознавая это, мы стараемся сделать ребенка «удобным», построить все так, чтобы он нам не мешал. Нередко по этой причине и перекладываются заботы о воспитании детей на чужие плечи.

Не слишком ли часто некоторые из родителей упо-

вают в процессе воспитания детей на школу, общественность или активистов домового комитета.

Следует всегда помнить слова Н. К. Крупской о том, что «государство не освобождает родителей от заботы о детях, оно только регулирует эту заботу, направляет ее в определенное русло и всячески помогает родителям осуществлять ее».

Вот почему мне кажется, что говорить надо не только о «трудновоспитуемых», но и о «легковоспитываемых», о тех, у кого нет чувства моральной ответственности за воспитание ребенка. Нельзя снижать долю личной ответственности родителей за воспитание детей за счет ответственности, которую берет на себя государство, общественность.

Но все эти мысли пришли ко мне значительно позже. А в тот момент я сидел в дребезжащем авто-рыдване, который никак не хотел покидать пределы спасительной городской черты, и изучал лица моих будущих питомцев. Кого-то из них уже сегодня надо будет назначить старшими (нам предстояли работы по установке палаток). В этом деле очень важно было не ошибиться.

Чей-то ломкий мальчишеский голос запел песню. Ему стали несмело подпевать:

Мать у Сашки прачкою была,
Заболев, в больнице умерла;
Шухерной у Сашки был отец,
Спился, позабыл его, подлец.

Пела группа человек в восемь-десять, сидевших сзади. Сразу было видно, что песня многим знакома. Особенно самозабвенно пел подросток лет пятнадцати-шестнадцати, которого все, несмотря на его круглую, румяную физиономию, звали почему-то Голодный.

Паренек глядел на меня с неподдельной гордостью, его большие серые глаза сверкали радостью и, казалось, притянули к себе еще ближе курносый нос, торчавший среди густых посадок веснушек.

Белозубые улыбки других участников хора окончательно убедили меня в большой популярности этого шедевра уголовно-песенного творчества.

Наконец нам удалось выбраться из цепких городских объятий, и наш автобус, видимо, плюнув на свое здоровье, нахально и довольно бодро покати́л по автомагистрали Ленинград — Таллин.

Но на двадцатом километре случилось то, что должно было произойти еще полчаса назад. Авторыдван закашлял, задымил и наконец встал, сам, видимо, удивляясь тому, как далеко ему удалось оторваться от автобусно-аварийной службы.

Водитель со смешанным чувством упрека и безысходности взглянул на меня и, ни слова не говоря, пошел копаться в моторе. Предупредив ребят, чтобы далеко не разбегались, я разрешил выйти из автобуса. Через минуту из-за кустов показались синеватые табачные дымки. Подошел водитель:

— Ну что ж, гражданин начальник, — уже совершенно умиротворенно сказал он, — не послушались меня. Будем теперь загорать, пока не отыщу буксир. Опять насос отказал. Пойду попробую дозвониться до автобазы.

Он закурил и, сильно размахивая руками, пошел по обочине шоссе в направлении видневшегося в полукилометре населенного пункта.

Больше половины моих ребят куда-то исчезло. Вокруг меня осталось человек десять-двенадцать. Мы сидели на пригорке, и я рассказывал мальчишкам о том, чем мы будем заниматься в лагере, каковы его задачи и как нелегко будет тем, кто не привык к труду, порядку и дисциплине. Вдруг из-за бугра выскочил Голодный (фамилия его, как оказалось, была Галадник, звали Игоря).

— Але! — истошным голосом заорал он. — Там озеро! Пошли!

Мое поредевшее войско мгновенно вскочило, и, держись я на секунду с подачей не менее решительной, чем у Игоря, команды «садись!», оставаться бы мне одному у осиротевшего автобуса или бежать сломя голову за Голодным и его спутниками.

Ребята нехотя сели. Игорь тоже был мной усажен и что-то долго ворчал себе под нос. Судя по всему, сетовал на отсутствие демократии и уважения к свободе человеческой личности.

Время приближалось к двум. Надо было думать о том, чтобы накормить ребят и сделать хотя бы минимум той работы, которая была намечена. Я решил идти пешком до ближайшей железнодорожной станции, откуда, по моим догадкам, должно было быть несколько остановок до Красного Села.

Пришел водитель. Ему удалось дозвониться до своей базы, и теперь он, вытащив из-под сиденья порванный ватник, собирался всхрапнуть до прихода аварийной машины.

Чтобы собрать ребят, я начал сигналить, наивно надеясь на их элементарную сознательность и дисциплинированность. Через минут пятнадцать, испробовав все средства звуковой сигнализации, включая и свою осипшую глотку, я был вынужден послать Игоря к озеру.

— Если через двадцать минут, — строго сказал я ему, — тебя и ребят здесь не будет, мы уйдем без вас. Это не просьба. Это мое первое приказание как начальника лагеря. Понял?

— Понял, — радостно отрапортовал Игорь и сразу, включив третью скорость, умчался.

Я разговаривал с ребятами о том, о сем, а сам напряженно думал: «Что делать, если ребята не придут? Ждать больше я не могу: закроется столовая и отпустят грузовую машину, на которой надо было возить щиты. Это означало, что придется снова откладывать наш переезд в лагерь, снова доставать машину. Но все эти мысли угнетали меня не так, как сознание того, что первый день «летней кампании» на моем участке фронта борьбы с «трудными» был с треском проигран. Прошло уже полчаса, а ребята все не появлялись. Скажу честно, не без мучительных колебаний я принял решение с жалкими остатками своего войска двигаться в направлении железнодорожной станции. Я понимал, что этот шаг мог быть чреват для меня самыми неприятными последствиями (мало ли что могли натворить ребята!), но решил не отступать от данного мной обещания. Если с первого же дня я буду бросать свои слова на ветер, убеждал я сам себя по дороге, то ни о каком авторитете нечего и думать.

Через минут пятнадцать-двадцать мы подошли

к станции. До Красного Села, как выяснилось, был всего лишь один перегон. За минуты три до прихода электрички на платформе неожиданно появился Игорь, ведя за собой остальную часть моего расколовшегося отряда. Улыбаясь, он подошел ко мне и по-военному доложил:

— Товарищ капитан! Ваше приказание выполнено. Водитель сказал, что вы пошли на станцию. Ну и мы вслед за вами, по шпалам. Думали, что не успеем.

— Молодец! — похвалил я его. — Только на фронте опоздание на тридцать минут могло бы привести к гибели всего нашего отряда. Понял?

— Понял, — снова ответил Игорь, но на этот раз уже без улыбки.

ПЕРВЫЙ БЛИН

Поломка авторывдана и «экскурсия» к озеру спутали все мои планы. Вместо того чтобы сразу приступить к работе, мне пришлось по прибытии в лагерь повести ребят в столовую, так как многие из них заявили, что они не завтракали.

Когда официантка принесла хлеб и кружки с киселем, за столом началось такое «киселетворение», по сравнению с которым посадка в автобус могла сравниться с отъездом английской дипломатической миссии. Достаточно сказать, что вливание киселя вместо своей глотки за чужой шиворот было явлением далеко не самым криминальным. Больше всех, пожалуй, досталось маленькому вертлявому белокрысому мальчишке, сидевшему за первым столом. Его физиономия была заляпана киселем настолько густо, что даже ресницы у него были красного цвета. Когда я подошел к нему, он плакал навзрыд. За столами стоял дикий хохот. Со всех сторон несло:

— Кисель! Кисель! Возьми кисель!

— В чем дело? Что вы, здоровые лбы, пристали к самому маленькому? — строго спросил я, обращаясь к высокому парню, который с нагловатой улыбкой пытался вылить на голову белокрысого остатки своего киселя. — Как твоя фамилия?

— Моя-то Корнеев, — ответил тот и добавил все

с той же улыбкой: — Товарищ начальник, ну разве мы виноваты, что у него фамилия... — И он заржал, вызвав новый взрыв хохота среди своих соседей.

— При чем тут фамилия?! — окончательно выйдя из себя, закричал я. — А ну, марш из столовой!

Как выяснилось, фамилия мальчишки была Киселев.

Позже я убедился, что это был еще довольно основательный повод для подобного рода выходок. С трудом успокоив эту разбушевавшуюся стихию, я попытался пообедать сам. Направо от меня за один из свободных столов уселся выгнанный мной Корнеев. Перед ним были бутылка кефира и полкруга краковской колбасы. Всем независимым видом Корнеев как бы говорил мне: «Плывать я хотел на ваше бесплатное питание. Меня этим не купишь. Денежки у нас пока еще водятся!»

В мое сознание снова полезла трусливая и холодная мыслишка, что я не способен управлять этой дикой толпой, а тем более воспитывать ее. Причем характерно, что и потом чаще всего такие мысли приходили ко мне именно в столовой.

Я не претендую на оригинальность, но глубоко убежден, что проверку состояния дисциплины в любом детском учреждении надо начинать со столовой: если там порядок, значит можно больше никуда не ходить. Вспомните Помяловского, Макаренко, Пантелеева. Самые жестокие, самые дикие выходки происходили именно в столовой. Но дело, конечно, не только и не столько в инспектировании. Комиссии приезжают не часто. А изучать детей воспитатель должен непрерывно. И вот в этом отношении столовая может стать для него тем, чем является микроскоп для биолога. Эгоизм и великодушие, доброту и жадность, жестокость и благородство — все это может увидеть наблюдательный глаз воспитателя во время «приема пищи» ребятами. Человеческие отношения и столкновения характеров проявляются здесь нередко так ярко, что кажется, будто происходит своеобразная фотовспышка. Тут только смотри, слушай да на ус наматывай...

Наматывал и я, несмотря на известную растерянность и обуревавшие меня сомнения в моей, так ска-

зять, педагогической полноценности. Забегая далеко вперед, скажу, что был у нас в лагере подросток, который до самого последнего дня, несмотря на все наши коллективные усилия, с приходом в столовую из человека превращался в жадного маленького зверька, даже тогда, когда съедал два взрослых обеда. Его презирали все, и мы, воспитатели, ничего поделать с этим не могли.

Так вот, в столовой я высмотрел шесть наиболее авторитетных, волевых, вернее (пусть меня простят этики), нахальных подростков, которые должны были уже в тот день стать моими ближайшими помощниками.

Разумеется, эта система подбора руководящих кадров была далека от совершенства, но тем не менее Игоря я решил назначить командиром отделения лишь после того, как увидел, что ему «добровольно-принудительно» отлили киселя два его соседа по столу. Как я позже убедился, данный жест всегда был у ребят самым красноречивым проявлением либо уважения, либо подхалимажа. Что означало это в тот момент, трудно сказать, да, честно говоря, у меня и не было времени вдаваться в такие тонкости. Во всяком случае, при всей рискованности и поспешности такого метода в четырех случаях из шести я не ошибся. Лучших командиров, чем Игорь Галадник, Саша Санин, Вова Чиркин и Валя Селивановский, мне бы все равно не найти, как бы я ни старался и к каким бы ультрасовременным тестам ни прибегал.

Работать мы не любим,
А любим мы пожрать...

Слова этой песни впоследствии вызывали у меня приступы плохо скрываемого бешенства. Делая разнос «сачкам», лодырям — всем этим любителям уже в двенадцати-пятнадцатилетнем возрасте прокатиться за чужой счет, я иногда срывался, потом казня себя за вспыльчивость. Подобная реакция объяснялась, видимо, и тем, что лагерь наш был на особом положении. За возможность избавиться на все лето от своих сорванцов родители платили всего 10 рублей. Да и эти деньги шли на подарки ребятам, призы

*. Отдадим первые за-
коллективизм работы. Будет
красота на месте
эвардеевского*

и покупку мороженого во время экскурсий. Так что лагерь, по сути дела, был бесплатным. А если добавить, что в организации лагеря принимали участие десятки людей, начиная от первого секретаря райкома партии и кончая водителями, которые нередко ради нас работали не по восемь, а по десять-двенадцать часов, то можно понять, почему разнузданность некоторых ребят иногда доводила нас, воспитателей, до белого каления.

Так случилось и в тот день, первый день нашей совместной работы по оборудованию лагеря. Разделив весь отряд на отделения и назначив командиров, я приказал ребятам принести щиты, чтобы затем сколотить из них палаточные гнезда. Работа была не из легких.

По неопытности я решил, что в целях воспитания коллективизма будет лучше, если мы все вместе вначале принесем щиты, а потом уже будем сооружать гнезда. Не прошло и получаса, как добрая половина моих работников исчезла. Не было видно и двух командиров: Чиркина и Селивановского. Такого оборота дела я не ожидал. Мне казалось, что работа

на себя, подкрепляемая личным примером воспитателя (а мы с моим помощником действительно старались изо всех сил), должна была быть, ну, если не удовольствием, то, во всяком случае, осознанной необходимостью. Тогда я не понимал, что одной из главных трудностей в воспитании таких ребят было то, что они не признавали слово «нужно», а руководствовались только одним «хочу».

Чтобы собрать снова весь отряд, мне пришлось прочесать близлежащий кустарник в радиусе по крайней мере полукилометра. В результате этого рейда у меня в кармане оказались три колоды игральных карт.

— Паразитами называют насекомых, — начал я свою первую историческую речь, когда наконец все ребята были построены в две шеренги, — которые пьют кровь других. На большее они не способны. Вы сейчас похожи на этих насекомых. Кто-то из вас работает, а кто-то в кустах режется в карты. Иначе, чем подлостью, это не назовешь!

— Мы принесли уже два щита, а многие ни одного, — обиженно сказал Вова Чиркин, которого сравнение с паразитом, судя по всему, серьезно обидело.

Вслед за ним загалдело еще несколько человек:

— А почему Никитин совсем не таскает?

— Кобзев с Юркиным больше всех сачкуют. Бросили щит на полдороге!

— Воинарин руки боится испачкать! — слышались со всех сторон голоса.

Я чувствовал, что зажигательной речью ребят сейчас не проймешь. Тут надо было действовать по-другому.

— Первое отделение, два шага вперед! — командовал я. — Вы будете жить в первой палатке! Пока все не сделаете, никуда отсюда не поедете! Галадник, задача ясна? — спросил я у Игоря.

— Ясно, товарищ капитан, — ответил Игорь и, повернувшись к ребятам, решительно добавил: — Ну, фраера, пошли себе хату ставить!

— Подожди, Галадник, — задержал я его. — Я еще не отпустил отряд.

— Второе отделение, два шага вперед!..

— Третье, два шага вперед!

— Четвертое... Пятое... Шестое!..

— Отделению, первым закончившему работу, будет присвоено наименование гвардейского и ему будет вручен на недельное хранение вот этот гвардейский знак, — сказал я и потрогал пальцами символ своей принадлежности к гвардейскому племени. — Кроме того, когда поедем обратно, отделение будет иметь право занять лучшие места в автобусе. А теперь, друзья, за работу! Разойдись!

Как ни странно, эта идея, которая пришла мне в голову столь внезапно, решила все дело. Застучали топоры, молотки. Работа закипела, и через два часа все было закончено. А еще через десять минут первое отделение с гордостью занимало почетные места у окошек в автобусе. Шофер, молодой симпатичный парень в берете и с обручальным кольцом на руке, с доброжелательным видом смотрел на мальчишек. Игорь сиял. На груди его в лучах заходящего солнца ярко горел мой гвардейский значок. Первый трудовой день был позади. Меня он чему-то научил. А ребят?

Весь следующий день прошел у меня в бегах. Надо было раздобыть спортивный инвентарь, винтовку для штыкового боя (с ее помощью я думал организовать несение ночной караульной службы), фотобумагу, краски, бланки боевых листков и массу других необходимых вещей, без которых мы не могли начать нормальную лагерную жизнь. Но самое важное — надо было получить форму!

Почти две недели я бомбардировал телефонными звонками Нахимовское училище, слезно умоляя начальника вещевого снабжения подарить нам вышедшие из употребления нахимовские робы, брюки и бескозырки.

Видимо, опасаясь, что ношение «трудновоспитуемыми» роб и бескозырок может запятнать белоснежную репутацию училища, вещевое начальство сказало твердо и решительно: «Нет!» Проглотив соленые «морские» слезы сожаления, я и мой помощник Герман направились в Ленинградское суворовское учи-

лище. Но и здесь нас ожидали те же самые трудности.

Все решила маленькая военная хитрость. Сорок комплектов летнего суворовского обмундирования были нам выписаны сразу же после того, как я сказал, что в случае отказа нам ничего не останется делать, как взять робы и тельняшки, предложенные нахимовцами.

Этого душа суворовского интенданта выдержать не смогла.

— Наконец-то нашелся человек, который понимает, что армейская гимнастерка в сотню раз лучше, практичней и красивей всяких там матросок, могущих сбить с толку разве только легкомысленных девчонок! — сказал мне начальник вещевого снабжения.

И вот наконец наступил день отъезда. В небольшом скверике напротив райкома выстроились два лагеря: наш и Военной академии связи. Еще раз убеждаюсь в том, как важно, что ребята одеты в форму. Блестят начищенные пуговицы, бляхи, лихо надеты фуражки с красным околышем. Пацаны как будто преобразились. Немного важничают друг перед другом, но главным образом перед родителями, которые, отпросившись с работы, пришли проводить своих сорванцов на «действительную службу». По сравнению с нами лагерь «Юный связист» явно проигрывает. В мальчишеских глазах «связистов» — плохо скрываемая зависть, справиться с которой не помогают даже их военные пилотки.

На правом фланге отряда стоят два моих помощника — воспитатели Гера Фокин и Виктор Гуляев, комсомольцы, рабочие одного из заводов, студенты-заочники. Виктора вижу впервые. С Герой мы немного знакомы. Он член бюро райкома комсомола. Немного словен, застенчив. В сочетании с первым разрядом по самбо это уже кое о чем говорит. Но самое главное — это то, что его, кажется, знают и любят мальчишки. Вот и сейчас вижу, как несколько человек вышли из строя и что-то ему рассказывают, отчаянно жестикулируя и показывая на меня и секретаря райкома комсомола Толю Евдокимова, с которым мы отрабатываем детали сегодняшнего церемониала. Наконец все в сборе. Подана общая команда:

«Равняйся! Смирно!» Выносят знамя райкома комсомола. Военный оркестр играет встречный марш. Я и мой коллега отдаем рапорт первому секретарю райкома партии, который напутствует «лучших людей» своего района. После его речи мальчишки вручают цветы (заранее приготовленные заботливым Толей Евдокимовым) шефам, работникам райкома и райисполкома, а также родителям. Выступает один из пап, после него один из шефов. Закljučает торжественную часть представитель от «трудновоспитуемых» масс. Все идет четко, накатанно, торжественно, хоть и немного суховато. Но знаю, в лагере ребята будут совсем другими. Это и радует и пугает. Больше, пожалуй, пугает.

Вот церемония закончена. Садимся в автобус, который сразу же до верха наполняется чемоданами, вещмешками, ватниками, и ждем отправки.

У моего окна стоит Гера и прощается со своей мамой. У нее милое, очень молодое для ее лет лицо и взгляд, полный любви и заботы. Если бы не материнские напутствия («одевайся потеплее», «не кури много», «покупай фрукты» и т. д.) и большой сверток с продуктами, который она всовывает в руки Геры, можно подумать, что расстанутся влюбленные. Столько ласки и нежности в этом прощании! Как я позже узнал, живут они вдвоем. Мама Германа почти ежемесячно бывает в командировках. Казалось бы, пора привыкнуть к расставаниям. А вот не могут.

Прибежал Толя Евдокимов. Он едет с нами, хочет посмотреть лагерь. Последним садится Гера. Ну, кажется, все. Поехали. Прощай, Ленинград. Трудовой военно-спортивный лагерь ТОС начинает свою жизнь.

Труд, Отдых, Спорт — начальные буквы этих трех слов составили название нашего лагеря. Перебрав сотню вариантов, мы остановились на этом. К названию привыкли быстро. Ребятам, по-моему, нравится, что они никакие не воспитанники, а тосовцы. Это неплохо звучит и главное — необычно: приходится постоянно расшифровывать взрослым, которые сами никак не могут догадаться и постоянно спрашивают: «А что такое ТОС?» А растолковывать взрослым — это, как известно, куда приятней, чем слушать их объяснения.

„ШАХАРОНЫ ПО-ФЛЭТСКИ“

Нужно сказать, что с самого начала нам крупно повезло. Мы приехали в лагерь 21 июня. А уже на следующий день рота ТОСа получила официальное признание как настоящий воинский коллектив. Случилось это так. По установившейся традиции 22 июня, в годовщину со дня начала войны, у памятника Александру Типанову, герою-комсомольцу, повторившему подвиг Александра Матросова, должен был состояться митинг. Наши палатки стояли недалеко от шоссе, по которому должны были следовать подразделения академии к памятнику.

Около одиннадцати часов утра командиры взводов Герман и Виктор вывели тосовцев на шоссе, чтобы научить их азам воинской выправки и строевой подготовки. Но не успели мы отработать повороты на месте, как послышались звуки оркестра и показалась колонна слушателей академии, направлявшихся к обелиску. Построив ребят в две шеренги, я отвел их на обочину.

— Сейчас перед вами пройдут слушатели и офицеры прославленной Военно-медицинской ордена Ленина академии имени Сергея Мироновича Кирова, — сказал я, обращаясь к ребятам. — По уставу положено воинским подразделениям отдавать честь друг другу. Но учитывая то, что вы еще не военнослужащие, ходите без погон и не принимали присягу, лагерь академии отдавать честь нам не будет. Это право надо заслужить. Но мы с вами должны принять положение «смирно» и стоять так до тех пор, пока не пройдет вся академия.

— А когда мы примем присягу и наденем погоны, нам тоже будут честь отдавать? — спросил меня Киселев.

— Обязательно. По академии специальный приказ отдадут, — сфантазировал я, — в котором будет указано, что такого-то числа рота ТОСа приняла присягу и теперь является полноценным воинским подразделением лагерного сбора академии.

В это время умолкнувший оркестр поравнялся с нами.

— Рота, смирно! Равнение на середину! — громким голосом подал я команду и приложил руку к головному убору. И тут случилось то, на что я втайне надеялся, но не думал, что осуществится это так скоро и так просто. Шедший впереди колонны полковник, скомандовал: «Смирно! Равнение налево!» (То есть на нас!) Было такое впечатление, как будто разом ударила сотня барабанов. Перейдя на строевой шаг, от синхронной силы которого, казалось, вминался асфальт, колонна воинов, офицеров и солдат отдавала честь трем десяткам хулиганов-второгодников. Впереди шли офицеры, участвовавшие в войне, не раз раненные, смотревшие в лицо смерти люди, которые по возрасту могли быть отцами стоявшим на обочине мальчишкам. И они, приложив руки к головным уборам, чеканя шаг и повернув в нашу сторону головы, отдавали нам (!) честь, как на параде! Это длилось всего минуты три, но мне показалось, что прошло по меньшей мере минут десять. От удивления и неожиданности лица у моих ребят стали каменными.

Все это было так волнующе, что у меня к горлу подступил ком, а по спине побежали мурашки.

Значение этого события для нас было чрезвычайно велико. Оно явилось своеобразным камертоном, давшим настройку всему нашему лагерному образу жизни. Ребята собственными глазами увидели, что с ними не играют в военных, что они на самом деле уже приобщены к большому мужественному племени защитников Родины, к тому племени, из которого вышли Александр Матросов и Александр Типанов, Виктор Талалихин и Николай Гастелло.

Однако все это не мешало проявляться «закону инерции», который продолжал заносить в сторону отдельных наших питомцев. В этом я убедился на собственной персоне на следующий же день после взволновавшего нас всех церемониального марша. Во время обеда кто-то из подростков положил в мою фуражку, лежавшую на скамейке у последнего стола, приличную порцию макарон по-флотски.

Макароны лежали в офицерском головном уборе,

том самом, к козырьку которого накануне я прикладывал руку во время отдания чести. Краска стыда прилила к моему лицу. Боль, горечь, незаслуженная обида — все это током ударило меня и перехватило дыхание. Такого оскорбления мне еще испытывать не приходилось. «За что? — подумал я. — Ведь я же стараюсь все делать для них как можно лучше, и вот в благодарность за это устроить такое...»

Кто же это сделал? Кто?

Первым моим намерением было немедленно поднять всю роту и вывести из столовой.

«Пусть отвечают все за одного», — думал я. Но, посмотрев на ребят, которые с аппетитом уминали макароны и, казалось, не подозревали о случившемся, я понял, что надо взять себя в руки и обдумать все спокойно. За столом, где обедали мои помощники и я (Герман и Виктор в этот момент сдавали лопаты и на обеде не присутствовали), никто из ребят не сидел. Возможно, это действительно прошло для них незамеченным. Я взял фуражку и вышел на улицу. Вывалив макароны в канаву и вымыв головной убор, я вернулся в столовую как ни в чем не бывало, поднял роту и повел ее обратно в лагерь.

Уложив ребят отдыхать, мы втроем устроили в нашей штабной палатке внеочередной педсовет. Гера и Виктор были настолько возмущены случившимся, что предлагали применить массовые репрессивные меры.

Посоветовавшись, мы решили поступить иначе.

На вечернем построении, приняв рапорт от командиров взводов, я обратился к мальчишкам с такими словами:

— У кого есть претензии к начальнику лагеря капитану Маркову — два шага вперед!

Как и следовало ожидать, никто не вышел. Повторив свой вопрос, я продолжал:

— Самый подлый удар — это удар в спину. Среди вас находится один трус и подлец, который наносит такие удары. Это самое низкое, что может быть на свете. Сегодня днем он нанес такой удар мне. Я знаю, кто это сделал, но хочу, чтобы он сам сейчас

вышел и сказал всем, за что он меня ненавидит. Возможно, в работе с вами я допускаю какие-то ошибки. Это происходит потому, что у меня нет опыта в таком деле. Но скажите мне о моих ошибках честно, как подобает настоящему мужчине. А не так подло и мелко, как это сделал один из вас!

Пацаны хором загалдели.

— Товарищ капитан! Скажите, что вам сделали? Кто это сделал? Скажите, мы сами с ним разберемся!

Игорь Галадник даже выскочил из строя и, размахивая руками, горячо убеждал меня отдать этого человека в руки «правосудия», то есть в руки его отделения.

— Товарищ капитан! Мы вам обещаем: мы ему ничего не сделаем, мы просто проведем с ним маленькую беседу!

На линейке царил шум и гвалт, вызванный, как мне казалось, единодушным возмущением. Было видно, что большинство ребят действительно не знало, кто это сделал.

С трудом успокоив мальчишек, я еще раз попробовал выявить моего недоброжелателя.

— Если этот человек не трус и не подонок и хоть немного уважает себя, он придет после отбоя к памятнику Типанову, где я его буду ждать. А сейчас всем по палаткам и спать! И никаких самовольных расследований и «бесед»! Не вздумайте устраивать засаду около памятника. Если будет надо, я на совете командиров сам назову имя этого человека.

Оставив Геру и Виктора в лагере, я медленно пошел по шоссе. Была теплая звездная ночь. Пахло свежескошенной травой. Обида почти совсем прошла. Ее сменило любопытство.

Придет или не придет?

Я был почти уверен, что сделал это или Генка Корнеев, или его дружок Костя Охотников. Их отделение в тот день было дежурным по столовой, и им ничего не стоило, проходя мимо нашего стола, бросить в фуражку горсть макарон.

Должен сказать, что контингент у нас в лагере и в возрастном, и в «производственном» отношении был

весьма разношерстным. Был здесь и двенадцатилетний Юра Москвичев, попавший сюда совершенно случайно, против фамилии которого в графе «характер правонарушений» было даже написано: «Замечаний нет». Как он попал в лагерь для «трудных», никто не знал за исключением, может быть, работника детской комнаты отделения милиции и Юриных родителей. Последние забрали его сразу же, как только поняли, что не всегда все, что делается по знакомству, идет на пользу.

Был здесь и пятнадцатилетний Сережа Прохоров, на счету которого было такое количество краж, что оно значительно превышало число прожитых лет.

Был у нас и свой Мустафа — черный, юркий Витька Малышев, безмерно гордившийся тем, что снимался в «почти главной роли» в фильме «Республика Шкид». Как и все кинозвезды, Витька доставлял нам немало хлопот своей экспансивностью, но именно за это мы, наверно, его и любили.

Были здесь, наконец, и такие, как Генка Корнеев и Костя Охотников. Те с первого дня противопоставили себя всему коллективу, тиранили слабых и, как мне казалось, были единственными, кто, не скрывая, выражал свое недоброжелательство к нам, воспитателям.

С того первого случая в столовой, когда я выгнал Корнеева, они оба смотрели на меня косо, грубили, пререкались и всячески старались показать свою независимость. Многие ребята, особенно малыши, их побаивались. Во-первых, Генка и Костя были самыми старшими в лагере (они учились в десятом классе), а во-вторых, попали они к нам потому, что накануне совершили кражу со взломом на триста сорок семь рублей. И не где-нибудь, а в своей собственной школе. Пока велось следствие, милиция решила отправить их к нам в лагерь.

Их-то я и ожидал увидеть у гранитного обелиска, поставленного во славу обессмертившего себя человека, который был почти их ровесником.

Мне очень хотелось, чтобы они пришли. Но этого не случилось. Прождав полчаса, я пересек пустынное шоссе и направился в лагерь. Мне показалось, что

... Мне очень хотелось, чтобы
они кричали. Но этого не
случилось.

в кустах у дороги слышался шепот и кто-то закопошился. Потом все стихло. Пройдя метров двести, я увидел, что навстречу мне по шоссе идут три человека. Это были Гера, а с ним Игорь Галадник и Саша Санин, командир четвертого отделения. В составе этого отделения были Корнеев и Охотников.

— Ну, рассказывайте, господа судьи, — стараясь напустить строгий тон, приказал ребятам Герман.

— Ну что, Гера, рассказывать. Устроили ему небольшую «темную». Вот и все, — сказал Саша.

— Провели беседу о вреде макарон, — добавил Игорь, и было видно, как в улыбке сверкнули его зубы. Он был доволен.

Я чуть было не спросил, кому они устроили «самосуд», но вовремя вспомнил, что публично заявил о своей полной компетентности в этом вопросе, и промолчал. Фамилию «макаронщика» сообщил мне Гера, когда мы, отправив Сашу и Игоря спать, вернулись в нашу штабную палатку. Психолог из меня получался никудышный. Ни Генка, ни Костя к этой выходке не имели никакого отношения. Сделал это мальчишка, на которого никогда бы не смогли пасть

мои подозрения. Он был тихий, замкнутый, даже не-людимый. Фамилию его называть мне не хочется, тем более что ко мне у него никакого чувства неприязни или враждебности не было. А сделал он это, во-первых, потому, что в таком возрасте делать пакости воспитателям считается проявлением своего рода доблести, а во-вторых, потому, что после перенесенного в детстве тяжелого заболевания, психиатры у него нашли «некоторую психическую неполноценность». Ему было пятнадцать лет, а он третий год сидел в пятом классе.

Были у нас и такие ребята. Однако они представляли собой исключение. В основном же в лагере были нормальные, здоровые ребята, «трудными» которых сделала не природа, а окружающие их люди.

У некоторых этот сложный процесс превращения в «правонарушителя» начинался с того, что из сотен окружающих их людей уходил один. Но этим одним был отец. Уходил, переставал быть Главным Воспитателем, независимо от того, продолжал проживать в квартире или находил себе другую семью. (Нередко второй исход для ребенка оказывался даже более благоприятным, чем первый.)

Возможно, наш лагерь и не был на все сто процентов типичным для данной категории подростков, но, наверно, нужно рассказать, что у двадцати двух из тридцати шести наших ребят не было отцов, у одного была осуждена и лишена родительских прав мать, а из оставшихся тринадцати у семерых отцы пили, избивали близких, были совершенно равнодушны к детям.

Другими словами, в тридцати случаях из тридцати шести отсутствовал тот, кто для мальчишки должен быть самым главным учителем жизни...

Нам, воспитателям, всегда было стыдно и мучительно смотреть на ребят, когда многочисленные визитеры задавали им вопрос: «А где твой папа?» Было что-то совсем недетское в глазах, даже руках и затылках этих мальчишек, расплачивающихся за жестокость своих отцов.

Но, конечно, не только и не столько отсутствие

отца или матери являлось причиной того, что мальчишки с детства вступали на путь правонарушений.

Если подросток совершал какие-то проступки, пусть даже кражу, это еще совсем не значит, что он из «легкого» стал «трудным». В такие лагеря, как наш, отправлялись «самые неблагонадежные» ребята, которых органы милиции во что бы то ни стало хотели вывезти на лето из города. И даже среди них по-настоящему «трудных» было не так уж много. И если уж говорить о них, то, пожалуй, больше всего в их детской судьбе должно тревожить не то, что они иногда имеют дело с милицией, а то, что они порывают со школой, бросают учиться. Из тридцати шести наших тосовцев, например, двадцать шесть были второгодниками, а двое остались на третий год. Причем самое страшное то, что в будущем году многие из этих второгодников совсем уйдут из школы, не закончив пятого или шестого класса. Уйдут, потому что на будущий год им наконец-то исполнится шестнадцать!

У нас установлено обязательное восьмилетнее образование. Это наш, так сказать, «прожиточный минимум». Но если подсчитать, у скольких работающих подростков нет сегодня этого минимума, то получится очень тревожная цифра.

Это должно беспокоить не только родителей, не только школу, но и партийные и комсомольские организации предприятий и учреждений, куда поступают работать подростки, не имеющие неполного среднего образования. Эти ребята требуют к себе особого отношения, особой заботы в первую очередь о том, чтобы не остались они на всю жизнь с пятью или шестью классами.

О недоучившихся юношах, о тех, кто, придя на предприятие, не хочет думать об учебе, не скажешь, что «птенцы оперились и полетели». Не полетят они по жизни, потому что по духовному потенциалу — нравственные калеки. И было бы неверно думать, что виновата в этом одна школа. Нет и тысячу раз нет! Прежде всего семья и тот производственный коллектив, куда попадает недоучившийся подросток.

И одна из наших задач состоит в том, чтобы помочь им закончить восьмилетнее образование, чтобы не пришли на производство недоучками.

О СОБАКЕ ЭЛЬЗЕ, ДЕТОНОЙ ЛНИ И ТОСОВСКОЙ ПРИСЯГЕ

К торжественному открытию лагеря и принятию присяги мы готовились долго, целых десять дней. Ежедневно до обеда приводили в порядок территорию лагеря и занимались строевой подготовкой, а вся вторая половина дня была отдана спорту. 2 июля в день открытия мы намечали провести эстафету, спортивные соревнования по футболу, волейболу, настольному теннису, перетягиванию каната и стрельбе. Ребята поклялись по всем этим видам спорта положить на лопатки «Юных связистов», которые должны были приехать к нам в гости на открытие.

Дел у всех было по горло. Мы, воспитатели, старались сделать так, чтобы ребята не были предоставлены самим себе. Кроме обязательных занятий по изучению курса молодого бойца и спортивных тренировок, нам надо было сделать погоны, написав на них трафаретом наши три буквы — «ТОС», поставить десятиметровую мачту для поднятия флага, соорудить грибок для несения караульной службы. Словом, работы было невпроворот.

И тем не менее даже в этой горячке было в лагере одно существо, которое умудрялось ничего не делать и действовать нам, воспитателям, на нервы не только днем, но и ночью. Этим существом была собака по кличке Эльза, которую Коле Дмитриеву привезла из Парголова его сердобольная мамаша. «Коля так любит животных», — сказала умиленно она. Сказать про Эльзу, что это была помесь, — значит ничего не сказать. По-моему, в крови ее родителей были все собачьи гены, начиная от таксы и кончая ньюфаундлендом. Однако нравственный облик Эльзы от этого нисколько не выиграл. Наверно, от каждой породы ее предки умудрялись брать только самое худшее. Она была сварлива, невероятно прожорлива, болезненно обидчива и к тому же чрезвычайно легкомысленна.

Эльза под утро возвращалась в палатку шестого отделения и без видимых угрызений совести залезала под одеяло к своему хозяину. В 7.00, когда Виктор приходил поднимать своих питомцев на физзарядку,

в постели Коли Дмитриева он всегда заставлял сладко спать Эльзу. Легко себе представить, как бы реагировали врач и эпидемиолог лагерного сбора Военно-медицинской академии, если бы узнали об этом. Долго мы ломали головы над тем, как нам избавиться от этой особы. Виктор даже предлагал «случайно» пристрелить ее во время одной из тренировок по стрельбе. Но Гера и я были против. Эльзу надо было отправить обратно домой. И хотя до принятия присяги увольнение тосовцев в город было запрещено, здесь пришлось сделать исключение. Я пошел в штаб и на пишущей машинке отстукал следующий документ:

«Командировочное предписание

Дано тосовцам Дмитриеву Николаю и Наумову Алексею в том, что они командированы в гор. Ленинград с 10.00 28/VI по 21.30 28/VI для транспортировки в Парголово служебной собаки по кличке Эльза.

По окончании командировки, обязаны явиться в расположение лагеря в гор. Красное Село.

Начальник трудового военизированного лагеря ТОС
Капитан (А. Марков)»

Гордость, испытываемая собачниками при виде столь официального командировочного документа, была сильнее, чем перспектива разлуки с Эльзой.

Когда Коля, Леша и служебная собака Эльза скрылись наконец за поворотом тропинки, ведущей на станцию, мы, воспитатели, облегченно вздохнули. Теперь-то наконец все наши силы можно будет сосредоточить на подготовке к открытию. Правда, мы немного волновались, придут ли наши собаководы вовремя, но наши опасения оказались напрасными.

В 22.00 и Коля и Леша стояли в строю шестого отделения на передней линейке, где мы всегда проводили вечером поверку. Приняв рапорты командиров взводов, я объявил благодарность и наградил конфетами лучших стрелков (в тот день у нас была первая тренировочная стрельба из мелкокалиберной винтовки) и хотел было распустить роту по палаткам, но слова команды застряли у меня в горле. Из леса, истерически лая, крутя своим откушенным хвостом, как пропеллером, прямо на меня неслась Эльза.

Я решил рассказать эту историю совсем не потому, чтобы попытаться вызвать улыбку у читателя. Просто это событие, подобно многим другим, имевшим место в нашей жизни, осветило какой-от новый уголок в травмированной психике подростков, позволило подглядеть то, что частично нами же, взрослыми, воспитано и привито. Когда я спросил Колю, каким образом Эльза снова оказалась в лагере, он не моргнув глазом выпалил мне следующее:

— Мамы не было дома, тогда мы решили Эльзу отвезти к бабушке, которая живет здесь рядом, в Скачках. (Это была станция в трех километрах от Красного Села.) Мы привязали Эльзу к забору и сказали бабушке, чтобы она ее не отвязывала, пока мы не уйдем. И вот сейчас она прибежала. Вы подумайте, товарищ капитан, сама вечером по следу нашла. Вот это действительно собака! А?

Вся рота восхищенно загалдела и бросилась тискать героиню. Объяснение Коли было не только складное, но, с учетом живущей в Скачках бабушки и розыскных способностей Эльзы, и правдоподобное. Я, конечно, поверил.

Но удивлению моему не было предела, когда в ближайший приезд Колиной мамы я узнал, что у них в семье вообще нет никакой бабушки, что домой Коля и Алеша не приезжали и со своей собакой расставаться не собирались.

Больше всего меня поразила та легкость, с которой они лгали. Это была какая-то артистическая, профессиональная ложь. Рассказывая эту историю, Коля Дмитриев так искренно смотрел на меня своими чистыми глазами, так неподдельно восхищался уникальными способностями своей Эльзы, что мне и в голову не могло прийти, что во всем этом нет ни единого грана правды.

Приведу еще один пример. У нас в лагере был мальчишка по имени Костя Варикайне. Это был дисциплинированный, тихий, очень музыкальный подросток, с внешним обликом которого трудно вязалась характеристика, данная ему работниками детской комнаты отделения милиции: «Склонен к воровству, не хочет учиться». Однажды (это было уже после принятия присяги) он подошел ко мне и попросил дать ему увольнительную для поездки в город.

— Моя мама родила сестренку. Мне очень хочется их увидеть. Отпустите меня, товарищ капитан! (Костина мама приезжала к нам на открытие, и было видно, что в многочисленном семействе Варикайне ожидается новое пополнение. Костя был самым старшим. Всего в семье пятеро детей.

Причина для увольнения была более чем уважительная. Как тут не отпустить!

Дней через десять после этого разговора в родительский день в числе других родителей, приехавших навестить своих сыновей, я издали увидел маму и папу Кости Варикайне.

«Видно, очень они любят и заботятся о Косте, если приехали навестить его, даже оставив дома новорожденную малютку», — подумал я про себя и попросил ребят нарвать для меня букет полевых цветов, чтобы преподнести его Костиной маме.

— Разрешите мне от имени нас, воспитателей, и всех наших ребят, — казенно начал я, — поздравить вас с рождением дочки и пожелать вам и всему ва-

шему большому семейству счастья и всяческих успехов.

Папа Варикайне от удивления открыл рот, а героиня-мать растерянно сказала:

— Спасибо! Я очень тронута. Но если вы поздравляете с пятым ребенком, то это немного поздно, а если с шестым, то еще рано. И почему вы уверены, что будет дочка? Врачи и то не знают, а вы же не доктор.

Папа Варикайне громко захохотал. За ним последовала и мама. Не смеялись только я и Костя, который, низко опустив голову, уминал привезенные гостинцы.

Если бы не лгали иногда изощренно и вдохновенно взрослые, у кого бы могли брать тогда уроки наши дети? Как часто мы, родители, в телефонных разговорах говорим одним знакомым о плохом своем самочувствии, а через пять минут одеваемся и в двадцатиградусный мороз едем в гости к другим.

Я не собираюсь писать трактат о детской лжи, но, разумеется, дело не только в том, что мы, взрослые, не всегда являемся образцами честности для наших детей. Ложь во спасение и, так сказать, ложь из-за скуки настолько синтезированы в психологии подростков, что отделить одну от другой бывает порой невозможно. Дети лгут не только потому, что хотят спрятаться от правды, но и потому, что хотят спрятаться от скуки. Так было и в лагере. Когда ребятам становилось скучно, они начинали «загибать». Вначале придумывали, или — чаще — пересказывали, всякие невероятные истории, а потом, когда все это надоедало, коллективно или индивидуально планировали и осуществляли очередной налет на «сад с запретными плодами», то есть совершали что-то такое, что делать запрещается законом, взрослыми, условностями. А здесь уже без лжи во спасение не обойтись.

Мы много говорим о досуге наших ребят, о неумелом использовании ими свободного времени, о мальчишках и девчонках, стоящих с гитарой или без нее в подъездах, но иногда забываем, что и мы должны помочь молодежи сделать жизнь по-настоящему интересной.

В письме к одному воспитателю трудовой колонии Надежда Константиновна Крупская обращала особое внимание на то, как важно увлечь во внешкольной работе ребят каким-нибудь интересным занятием и именно таким путем поднять у них чувство достоинства. Она писала: «Если бы это можно было провести, организовать подростков на живом деле — посмотрели бы вы, как преобразились бы эти самые подростки, как скрасилась бы их жизнь.

А когда сложился бы зародыш организации, надо бы парнишкам давать дело поответственное, относясь к ним с товарищеским доверием, — и выправились бы ребята...»

Наш лагерь и поставил перед собой задачу, о которой говорила Н. К. Крупская: организовать ребят на живом деле. А поскольку самым живым делом для мальчишек всегда была игра, мы и решили: проведем военную игру. И чем ближе игра будет к реальной воинской службе, тем интереснее и полезнее будет пребывание мальчишек в нашем лагере.

— Рота! Равняйся! Смирно! Слушай приказ!

«ПРИКАЗ № 1 по трудовому военизированному лагерю ТОС при Военно-медицинской ордена Ленина академии имени С. М. Кирова.

Содержание: О присвоении званий личному составу лагеря.

По случаю открытия трудового военизированного лагеря ТОС нижепоименованным подросткам Выборгского района присвоить следующие звания и вручить погоны:

младшего сержанта ТОСа Галаднику Игорю;

ефрейтора ТОСа Захарченко Борису;

рядовых-тосовцев Воронову Льву, Пашкову Михаилу, Макарову Борису, Балину Алексею».

Перечислив весь состав по отделениям и закончив чтение приказа, я сделал небольшую паузу и многозначительно заключил:

— Приказ подписал начальник Военно-медицинской ордена Ленина академии имени С. М. Кирова генерал-полковник, профессор Гончаров.

Порядок вручения погон был установлен следующий: каждый тосовец зачитывал текст присяги, а потом ему вручались погоны.

— Я, юный житель славной Выборгской стороны города-героя Ленинграда, вступая в ряды трудового военно-спортивного лагеря ТОС при Военно-медицинской ордена Ленина академии имени С. М. Кирова, торжественно клянусь:

крепить дружбу и товарищество и жить по принципу: один за всех, все за одного;

быть трудолюбивым, честным, дисциплинированным, строго выполнять все приказания начальников и воспитателей;

строго соблюдать установленный в лагере воинский порядок, следить за чистотой, быть опрятным, культурным и вежливым;

быть смелым, мужественным, не бояться трудностей;

после окончания лагерного сбора продолжать крепить дружбу с друзьями и воспитателями и приходить на помощь друг другу в трудную минуту.

Если я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть мои друзья-товосцы презирают меня, а Совет командиров лишит права носить погоны.

Один за другим подходят ребята к столу, накрывшему красной скатертью, берут в руки текст присяги и читают его. Вокруг много гостей, родителей, шефов, среди которых есть даже генерал. По этому случаю он надел парадную форму со множеством орденов и медалей. Каждый зачитавший текст присяги расписывается и получает из рук генерала заветные тосовские погоны. Наконец-то свершилось! Теперь и мы будем отдавать честь, нести ночную караульную службу и, может быть, даже стрелять из настоящих боевых автоматов! Так началось торжественное открытие нашего лагеря.

После принятия присяги и вручения погон начались спортивные соревнования. Неожиданно второй взвод, где было отделение малышей, первенствовал в волейболе, эстафете и, что самое главное, в стрельбе из мелкокалиберной винтовки.

Малыши публично источали сладкие оскорбления и унижения в адрес переростков из первого взвода, которые ходили мрачные и злые.

Единственное, что могло еще реабилитировать питомцев Германа, — он был комиссаром первого взво-

да, — так это победа на футбольном поле, но играть было не с кем. Второй взвод футбольную команду выставлять не захотел, ибо это означало для них верный проигрыш. А команда «Юный связист» приехать к нам на открытие не смогла.

Сборная команда нашего лагеря едва не плакала от досады, потеряв возможность показать себя на футбольном поле.

Но и из этого положения был найден выход, да еще какой! Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло.

МИЛИЦИОНЕР

Если выражаться более точно, то помогло не несчастье, а лейтенант милиции Евгений Дьячков. Но прежде всего о том, как он появился у нас в лагере.

За три дня до открытия, часов в девять вечера, кто-то постучался в нашу палатку. Вошедший оказался коренастым черноволосым мужчиной лет двадцати пяти — двадцати семи, одетым в спортивный тренировочный костюм.

— Разрешите представиться. Оперуполномоченный пятого отделения милиции Выборгского района лейтенант Дьячков. Прибыл в ваше распоряжение, — доложил он, обращаясь ко мне.

Сердце у меня упало. Ну, думаю, наломали дров наши воспитанники, если из Ленинграда на ночь глядя приехал к нам представитель милиции.

— Что-нибудь случилось? — спросил я, будучи абсолютно уверен, что стряслось что-то из ряда вон выходящее.

— Да нет! — улыбаясь, ответил лейтенант. — Просто прислали к вам жить и работать. Буду у вас, товарищ капитан, вроде заместителя по оперативно-следственной части. Не возражаете?

Никаких возражений у нас, конечно, не было. Во-первых, Дьячков был не новичок в работе с этой категорией подростков, а во-вторых, Женя действительно мог оказать нам большую помощь, особенно в том случае, если кто-нибудь из ребят задумал бы убежать в Ленинград.

Но, к счастью, наши опасения оказались преувеличенными. Побегов почти не было.

Мы вкратце рассказали Жене о положении дел в лагере, а когда наступило время вечерней поверки, пошли представить его ребятам. С некоторыми из них Дьячков, как оказалось, был уже знаком. В основном это были ребята, проживавшие на его участке.

— С сегодняшнего дня, — сказал я, — стараясь предугадать реакцию мальчишек на появление представителя власти в нашем лагере, — моим заместителем будет оперуполномоченный пятого отделения милиции лейтенант Дьячков Евгений Анатольевич. Прощу любить и жаловать.

Последних слов я мог и не произносить, так как они потонули в свисте, шуме и выкриках:

— Милиционер приехал!

— Мильтон!

— Не надо нам мильтонов! Гони милицию!

Многие свистели. Напрасно я старался навести порядок и утихомирить ребят. Еще минуту назад это было подобие воинского коллектива, сейчас же строй напоминал растревоженный пчелиный улей. Я почти охрип, пытаясь вернуть мальчишек в нормальное состояние, но тщетно. И вдруг где-то рядом, слева от меня, над самым ухом послышался такой пронзительный свист, который сразу перекрыл шум и гам на линейке. Я покосился налево. Сзади, вполшага от меня, положив на зубы кольцо из большого и указательного пальцев левой руки, самозабвенно и озорно, как Соловей-разбойник, свистел наш «опер». Ребята от неожиданности открыли рты, вытащив из них свои грязные пальцы. Резко оборвав свой разбойничий свист, наш новый знакомый вдруг защелкал языком, захлопал по бокам руками и потом выдал такую соловьиную трель, что мы все буквально остолбенели. Закончив свой неожиданный номер, Женя вышел на середину и негромко сказал:

— Ну, пошумели и будет! Здесь кое-кто знает, что парень я свой, только не люблю, когда воруют или пакости другим людям делают. Я думаю, мы с вами найдем общий язык. А для начала завтра с утра буду отбирать футболистов в сборную команду лагеря.

Место левого края — за мной. Как-никак пять лет назад играл за сборную Кронштадта.

Сказав это, он помахал ребятам рукой и пошел в штабную палатку. Счет был открыт — 1:0. Повела милиция.

Нужно сказать, что на протяжении всего лагерного периода счет этот неуклонно возрастал. Если представить работу Дьячкова в виде своеобразного спортивного репортажа, то это выглядело так:

2:0 — Женя по вечерам, после отбоя, заходил то в одну палатку, то в другую и рассказывал истории о героических буднях нашей милиции.

Он ничего не выдумывал. Увлекательно рассказывал о подвигах своих товарищей — сотрудников милиции — пацанам, которые по наивности считали себя чуть ли не уголовными элементами. Так он пропагандировал работу милиции!

3:0 — Женя мечтал, чтобы такие ребята, как наши, из врагов милиции превратились в ее союзников, друзей. Он не раз нам говорил:

— А ведь как было бы здорово, если бы старшие ребята после такого лагеря, как наш, решили пойти учиться в школу милиции!

Чтоб приблизить это время, он привез к нам в лагерь (с помощью своих друзей из розыскной службы) проводника со служебной собакой Ральфом.

Излишне говорить о том, что проводник без всякой натуги влюбил и в себя и в Ральфа всех наших ребят, которые после этого задрессировали Эльзу до того, что она на двое суток исчезла из лагеря. В следующее воскресенье Женя пригласил к нам двух мастеров спорта по самбо из Ленинградской школы милиции. Этим он забил в ворота «трудновоспитуемых» четвертый гол!..

Позже мы узнали о том, что Жениному приезду в лагерь предшествовало бурное комсомольское собрание в райотделе милиции. Дьячков, будучи комсоргом, предложил повестку дня: «Милиционер — друг подростка».

На собрании неожиданно разгорелась жаркая дискуссия: что важнее в работе милиции по предотвращению правонарушений подростков — любовь и доброта или наказания и строгость? Мнения раздели-

лись. Немало комсомольцев ратовало за усиление репрессивных методов, считая, что «либерализмом трудного подростка не исправишь». Так выразился один из главных Жениных противников. Однако большинство комсомольцев пошло за своим комсоргом, который убежденно говорил о том, что воспитатель должен быть краснодеревцем, а не плотником, что он должен любовно и бережно относиться к материалу, находящемуся у него в руках.

На примере Жени Дьячкова я еще раз убедился в том, что в основе воспитательной работы с детьми должна прежде всего лежать любовь к ним. Чем трезвей, рационалистичней наш подход к ребенку, чем больше он нас раздражает, свой или чужой, — неважно, тем ниже коэффициент воспитания. Я никогда не видел, чтобы ребята раздражали Женю. Он всегда был с ними дружелюбен, но никогда не заигрывал и не потакал им. Он умел поставить себя на место Витьки или Кольки и осознать, что тот или другой в данную минуту чувствует. Это дано далеко не каждому. Мы никогда не слышали, чтобы он кричал на ребят, а тем более поднял на кого-нибудь руку. Однажды с Виктором Гуляевым, комиссаром второго взвода, у Жени произошел горячий спор. Гуляев первое время был убежденным сторонником «воспитания тапочкой». Он засовывал голову провинившегося между своих ног, сжимал как тисками его шею и тапочкой с резиновой рефленной подошвой с шутками-прибаутками отпускал «горячие», число которых зависело от характера проступка. Виктор считал, что в мальчишеском возрасте «тормозная система» должна в основном работать на страхе перед наказанием. И хотя ребята уверяли, что им совсем не больно, с Гуляевым нам пришлось серьезно поговорить.

— Вот ты уверяешь, Витя, что пацаны на тебя не обижаются, когда знают, что ты их лупцуешь за дело, — сказал Женя, когда мы остались в палатке вдвоем. — Неправда, многие обижаются. Да и потом ты можешь легко ошибиться. Вот я видел вчера, как в палатке шестого отделения ты за малое наказывал Наумова. Их было трое, тебе показалось, что ругался именно он. А что, если ты ошибся? Ведь это возможно. А если так, то твои «горячие» могут быть для мальчишки

больнее розг. Не случайно Алеша выскочил из палатки в слезах и злобно обозвал тебя... Мне почему-то кажется, что матерился действительно не он.

— Во всяком случае, через час как ни в чем не бывало мы с ним играли в пинг-понг, — пытался оправдаться Виктор. — А насчет «горячих», то я считаю, что даже если и не он ругался, то все равно ему на пользу пошло. В следующий раз подумает, прежде чем матюгнуться.

— Да ведь не это главное, — возразил ему Дьячков, — разве твой «тапочек» помогает осознать ему, что он поступает плохо? Один человек сказал, что розги и телесное наказание для ребят — это проклятие для человечества. Запугиванием можно вырастить в ребенке только низость, испорченность, лицемерие, подлую трусость, карьеризм. Страх не научит детей отличать добро от зла: кто боится боли, тот всегда поддается злу. По мнению этого человека, исправить может только такое средство, которое заставит виновного осознать, что он поступил плохо, что надо жить и поступать иначе. Знаешь, чьи это слова?

Виктор молчал. Женя посмотрел на меня.

Признаться, я тоже не знал, хотя подумал о Макаренко или Корчаке.

Дьячков выдержал паузу, чтобы полнее показать нам свое педагогическое превосходство, а потом сказал коротко:

— Это Феликс Дзержинский.

Виктор Гуляев, слесарь с завода имени Карла Маркса, ничего не читал о Корчаке, о Макаренко знал лишь по «Педагогической поэме», но Дзержинский, как оказалось, был его идеалом.

С тех пор тапочки использовались Виктором только по прямому назначению.

Проблема наказания — это чрезвычайно важная и исключительно сложная проблема. Пожалуй, одна из самых сложных в воспитании. Здесь не столько важно соответствие меры наказания характеру проступка, сколько знание детской психологии вообще и психологии каждого подростка в отдельности. Одному пойдет на пользу, если временно его перевести из одного отделения в другое; другому же, нао-

борот, такая мера не принесет ничего, кроме вреда, и явится лишь началом цепной реакции новых злоключений.

Одна и та же мера наказания одного дисциплинирует, другого обижает и расхолаживает. В то же время, если вы за один и тот же проступок одного не пустите в кино, а другого просто отругаете, — это послужит веским основанием для конфликта, обиды, обвинения в том, что у вас в лагере есть любимчики.

Все это более или менее просто и ясно в теории. На практике же в нашей лагерной жизни было совсем иначе: ошибок на первых порах мы допускали немало. Приведу лишь один пример. Ребята постоянно теряли форменные ремни с бляхами. Утром выходим строиться на осмотр. Смотрим — у двоих опять пропали ремни. Запасных на нашем «вещевом складе» (у Германа под койкой, в мешке) больше нет. Что делать? А в этот день назначен строевой осмотр. Должен приехать начальник академии. Теряя самообладание, выгоняешь растерях из строя и объявляешь им по одному наряду вне очереди на работу по очистке туалета. Потом выясняется: один спрятал свой ремень в надежде получить новый, а у второго по ошибке взял сосед по палатке. Разница огромная, а наказание одно.

Никто из воспитателей не застрахован от такого рода ошибок, но, рассказывая о Жене Дьячкозе, я хочу отметить, что подобных «издержек воспитания» у него было меньше, чем у любого из нас. Быть справедливым к взрослым трудно. Быть справедливым к детям неизмеримо труднее. Жене это удавалось лучше всех. Об этом особенно приятно говорить, потому что из нас четверых он был единственным воспитателем по профессии, по характеру работы, и через его сердце и голову (не только через руки) проходил в течение года не один десяток трудных мальчишеских судеб.

Воспитатель должен быть садовником, а не дровосеком. Это знают все. И тем не менее, воспитывая детей, мы нередко рубим сплеча.

Напрасно некоторые думают, что дети менее злопамятны, что они легко забывают душевную боль,

платное обследование
захотело попить
козье молоко
после этого коза
долго брела по
одиночеству и в конце
отливалась от козла...

страдания. На самом деле это не так. От настоящих обид остаются рубцы, рубцы на всю жизнь.

Женя умел не обижать детей, умел быть терпеливым и никогда не спешил с выводами. Наверно, именно поэтому во взаимоотношениях с ребятами ему удалось найти тон, характерный, пожалуй, не столько для воспитателя, сколько для старшего брата.

У Жени за два месяца до приезда к нам родилась дочка. У малышки было искривление позвоночника. Лежала она в гипсе. Женя, конечно, переживал, но никто из нас об этом не знал. По вечерам после отбоя, иногда до двух часов ночи, он сидел в ленинской комнате, конспектируя учебники по праву и криминалистике. Так Дьячков проводил свой «академический» отпуск, предоставленный ему начальством для сдачи экзаменов за четвертый курс юридического факультета. Днем заниматься ему было некогда. Дел у него хватало.

То ребята во главе с Витькой Малышевым до такой степени заездили клячу красносельского пастуха, что у животного пена показалась на губах, а контуженый пастух чуть не изуродовал восходящую

звезду советского экрана. То пятое отделение захотело попить козьего молока и, загнав завхозную козу в сарай, чуть не оторвало ей соски. После этого коза долгое время по удойности ничем не отличалась от козла, а завхоз в отличие от пастуха избрал более бюрократический метод воздействия на «козодоев». По всем канонам военно-канцелярского делопроизводства он написал рапорт на имя начальника академии с предъявлением мне счета за понесенные убытки. Документ этот начинался так: «30 июня четыре молодых человека загнали мою козу в сарай и силой начали тянуть у ней молоко...» В денежном выражении ущерб составлял, по расчетам завхоза, 3 р. 50 к. за первую неделю простоя...

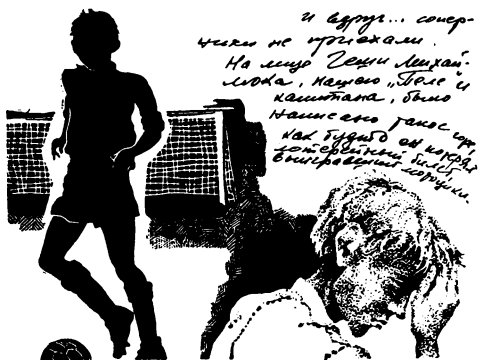
Во всем этом надо было разобраться, поговорить, найти виновных.

Но самой большой заслугой его, пожалуй, было то, что он создал футбольную команду. Дело было не только в том, что половина ребят (включая и запасных) все свободное время проводила в тренировках. Главное заключалось в спортивном азарте и атмосфере борьбы за честь лагеря. Женя так запугал ребят силой и мастерством «Юных связистов», что наши футболисты готовы были тренироваться даже по ночам, благо они белые. И вдруг... соперники не приехали. На лице Геши Михайлюка, нашего «Пеле» и капитана, было написано такое горе, как будто он потерял лотерейный билет, выигравший мотоцикл или мотороллер.

И вот в ту минуту, когда я уже хотел начать составлять команду из пенсионеров-дедушек, приехавших к внукам, в честь Дня открытия, показался бегущий Женя.

— А ну, Геша, выводи команду на поле. Будем играть с шефами! Ничего, ничего, не трусь! — успокаивал он капитана, заметив, что тот больше напуган, чем обрадован. — Они думают, что будут играть с детским садом. Пусть себе думают. Нам это даже выгодно.

И вот начался «матч столетия». Вначале наши ребята напоминали рой пчел, который носился за тем или иным игроком, не спеша обрабатывавшим мяч прежде, чем передать его своему партнеру. Но

защита играла самоотверженно, отчаянно бросаясь под ноги своим соперникам, которые выглядели настоящими футбольными Гулливерами по сравнению с нашими лилипутами. «Академики» были снисходительно-вежливы, и даже тогда, когда у них действительно отбирали мяч, искусственно улыбались и делали вид, будто отдавали его нарочно. Женя и Герман играли за пятерых. Как метеоры носились они от ворот до ворот, за какие-то секунды переходя из обороны в наступление и обратно. В конце первого тайма одному из Гулливеров удалось забить головой гол. Со счетом 1:0 команды ушли на отдых.

— Мальчики, все идет отлично, — сказал Женья, усадив ребят в кружок под дерево и обтираясь мокрым полотенцем, — мы можем и должны у них выиграть. Они сейчас расслаблены и думают, что победа у них в кармане. Сейчас самое время показать, на что мы способны. Геша! Ты перейдешь с центра на правый край. Ты, Виталий, нейтрализуешь этого бритого, он наиболее опасен. Мешай ему, не давай бить. И самое главное: держать игроков и идти на мяч. Кляшусь, мы у них выиграем!

Второй тайм начался нашей атакой. «Пеле», по-

лучив пас в середине поля, обошел двух верзил, передал мяч своему другу Виталию Корешкову, а сам сделал быстрый рывок в штрафную площадку противника. Виталий прошел по левому краю и, обманув защитника, точно выложил мяч снова Геше. Последовал удар в верхний угол. Вратарь «академиков» рыпнулся, но было уже поздно. Мяч был в сетке ворот...

Что творилось в этот момент на трибунах, трудно себе представить. Свист, улюлюканье, крики. Лилипуты на поле начали качать Гешу. Это случилось на первой минуте второго тайма.

Наши противники проснулись и заиграли в полную силу. Но и тосовцы, освоившись на поле и поверив в свои силы, стали чаще играть длинными передачами, используя прорывы Жени, Германа, Геси и Виталия. На двадцатой минуте сильным ударом метров с двадцати пяти лейтенант Дьячков поставил вратаря «академиков» второй раз вынуть мяч из сетки ворот. Это уже пахло проигрышем. Зрители всю подбадривали наших ребят, аплодируя всякий раз, когда им удавалось обойти или обмануть своих противников. Гулливеры стали неузнаваемы. Куда делась их снисходительность и спокойствие! Они начали кричать друг на друга, ссориться и допускали одну ошибку за другой, все чаще и чаще используя свою массу и физическую силу. Отталкивая тосовцев, они все чаще подходили к воротам, которые самоотверженно защищал Игорь Галадник. Но добиться успеха академическая команда так и не смогла. Под свист, хохот и обидные для «академиков» выкрики посрамленные гулливеры покидали поле. А мы качали наших героев. Такая грандиозная победа нам не снилась.

Потные, покрасневшиеся, но беспрельдно счастливые, возвращались в лагерь мальчишки. Они шли обнявшись, занимая всю ширину шоссе, удивленно и радостно глядя друг на друга, на небо, деревья и людей, которые, расступаясь перед их восторгом, отходили на обочину, уступая им дорогу как победителям. Забыв про свою вражду и неприязнь, в первой шеренге, обнявшись, шли Санин, Галадник, Корнеев и Охотников...

Не меньше ребят были счастливы и мы, взрослые. Еще бы! Это была первая трудная победа, добытая сообща, дружно, всем коллективом. Это была одна из первых капель в чаше гордости, которая хоть и медленно, но наполнялась самими мальчишками. Гордости за лагерь, за дружбу, за успехи. Взрослых больше сплывают поражения. Ребят — победы!

Гешу и Виталия как героев «матча столетия» мы решили после такой неслыханной победы отпустить в порядке поощрения в увольнение в город. Это было первое официальное увольнение в лагере ТОС. Все пацаны сгорали от зависти, глядя на то, как Михайлюк и Корешков, облачившись в парадную форму, получали заветные увольнительные записки.

Мы понимали, что, как волка ни корми, он все равно в лес смотрит. Было ясно, что, как бы интересно ни было в лагере, ребята все равно будут убегать в город. Хотя бы ради спортивного интереса. И тогда мы рискнули практиковать увольнения. Эта мера целиком и полностью себя оправдала, хотя многие взрослые относились к ней более чем скептически.

Однако практика показала, что эти опасения были напрасными. В других лагерях, где не было увольнений, ребята бывали в городе в течение лета чаще, чем наши. Причем за редким исключением никаких ЧП во время городского отпуска у нас не было.

Более того, первое же увольнение еще больше подняло авторитет лагеря и его начальника в глазах тосовцев. Случилось это так. Ни Геша, ни Виталий билетов для проезда в электричке брать не стали (хотя деньги у них были). А тут как на грех ревизор!

— Ваши билетки, товарищи суворовцы!

— А мы не суворовцы, — насупившись, ответил Геша и, видя, что бежать некуда, да и неудобно в форме, полез в карман за... увольнительной запиской.

То ли ревизоры попались с добрым чувством юмора, то ли просто любопытство взяло верх, но стали они расспрашивать, что означают три бук-

вы — «ТОС» на погонах и нельзя ли их сыновей в такой лагерь устроить.

Во всяком случае, финал этого разговора был такой:

— Ну, раз вы из лагеря ТОС, тогда другое дело!

Поверив в магическую силу увольнительной записки и подписи начальника трудового военизированного лагеря ТОС, Геша и Виталий пошли в психическую атаку на контролера станции метро «Балтийская». Приложив руки к головным уборам, они не замедлили предъявить увольнительные записки, упомянув о своем тяжелом финансовом положении и о теплом отношении со стороны железнодорожных ревизоров. Так были сэкономлены еще десять копеек.

Обалдев от чудодейственности своих увольнительных, они выскочили на Невском и прямо направились в кинотеатр «Молодежный». Но тут их ждало глубокое разочарование. На Управление культуры Ленгорисполкома действие увольнительной не распространялось.

Вернувшись из увольнения, Геша и Виталий с восторгом рассказали обо всем ребятам. И хотя мы обругали их за экономию на билетах, все товарищески готовы были ходить по струнке, лишь бы заслужить право на увольнение в город.

МЫ — РОЗЫ МОЛОДЫЕ

...Цветут те розы молодые
И, не заботясь ни о чем, кричат:
«Мы — розы молодые. За нами нужен тот уход,
В котором жили б мы, играя
И не заботясь ни о чем».

Была в лагере ТОС и своя «интеллигентная прослойка». Был и свой «поэт». Правда, камерный, никогда не опускавшийся до стенгазеты, но все же «поэт». Приведенные выше стихи принадлежат ему. Эта «молодая роза» пыталась охаивать все. Звали его Андрей Калинин. Высокий, худой, длинноволосый шестнадцатилетний «эстет», до предела начиненный битломанией и «теорией» джаза (хотя сам мог, ра-

зумеется, только лишь стучать по нарам или чемодану).

Родители Андрея были артисты. Отец — драматический актер, мать — эстрадная певица. После смерти отца (это случилось три года назад) Андрея отдали в интернат. Там он, естественно, не ужился. Забрали родственники, семья известного театрального критика С. Из жалости кормили, из жалости одевали, из жалости и прощали то, что никогда бы не простили своим детям. Но когда обнаружили, что из книжного шкафа перекочевало к букинисту около полсотни редких книг, жалеть перестали. Так Андрей оказался в другом интернате. После райской жизни у знаменитого родственника интернат показался ему неподходящим местом. Узнав, в каком городе гастролирует его мать, Малинин ударился в бег, прихватив с собой кое-что из вещей, ему не принадлежавших. После «гастролей» был направлен к нам в лагерь. Таков был жизненный путь «поэта» Андрея Малинина.

Один из его стихотворных перлов (тетрадку с которыми он однажды небрежно кинул мне на койку)

приведен здесь не случайно. Строки о молодых розах, за которыми нужен тот еще уход, чтобы они могли жить, играя и ни о чем не заботясь, не могут не навести на грустные размышления. Прежде всего потому, что поэтический образ в данном случае является не чем иным, как копией точки зрения автора. А Андрей Малинин, хотя явление и нетипичное, к сожалению, характерное для некоторой части наших подростков.

— Вам поручено, вот вы и воспитывайте, делайте мою жизнь интересной, разнообразной. Беседуйте со мной чаще, узнавайте мои запросы. Словом, главный упор делайте на индивидуальную работу, — улыбаясь, заявил мне однажды Андрей, когда я предложил ему составить свой план лагерных мероприятий на следующую неделю.

Главное для таких людей — и в шестнадцать и в двадцать пять лет не обременять себя заботами. Их ленивый ум нацелен только лишь на легкодоступные удовольствия.

Небольшой жизненный опыт Андрея помог составить ему личный кодекс правил, которыми он руководствовался в своих поступках:

государство у нас богатое, люди добрые — прокормят;

не делай того, что могут сделать за тебя другие;

работа не волк, в лес не убежит, но уж если работать, то ради того, чтобы потом повеселиться;

дружить лучше всего с самим собой и т. д.

Исходя из этого, друзей в лагере у него не было. Он всегда пребывал в каком-то полусне, оживляясь только тогда, когда разговор переходил на его любимые темы о битлах, джазовой музыке и зарубежных киноактрисах. Демагог и пустозвон он был ужасный. Однажды вечером после отбоя Малинин подошел ко мне с программой телевизионных передач и, растягивая слова, сказал:

— Товарищ капитан, мне кажется, что в воспитательной работе с нами вы плохо используете такое могучее средство, как телевидение. Сегодня в 23.45 передача «Юность планеты», а вы нас спать гоните. Нам эту передачу важнее смотреть, чем пенсионерам.

Я бы на вашем месте из воспитательных соображений сделал бы отбой после передачи...

Мне на моем месте страшно захотелось дать ему по затылку, но это был прием запрещенный. Как бы прочитав мои мысли, он наклонился ко мне и доверительно зашептал:

— Что вы так сердито на меня смотрите? Ведь я вам особых хлопот не доставляю. Вы лучше, Анатолий Сергеевич, за Генкой и Костей смотрите. Они себе блок сколачивают, скоро пойдут в наступление на ваших любимцев.

В знак прощания, помахав кокетливо, на манер голливудской кинозвезды, ладошкой перед своей физиономией и сказав мне «чао», Андрей вышел из палатки и пошел спать.

Его слова еще раз заставили меня призадуматься. После принятия присяги и знаменитого футбольного матча отношения у Корнеева с его командиром Сашей Саниным и ребятами из первого отделения продолжали оставаться более чем натянутые. Несколько раз дело доходило до драки. Понимая, что силы неравны, Генка и Костя начали вербовать себе сторонников. Они усиленно распускали слух о том, что первое отделение и Саша Санин ходят у начальника лагеря в любимчиках и вообще давно пора поговорить с ними «по-деловому». «Деловой разговор» не преминул вскоре состояться той же ночью. Через часа два после отбоя, в начале второго, кто-то напал на часового, им был в ту ночь Юра Москвичев. Нападение было совершено по всем правилам: бесшумно, с применением кляпа и наглазной повязки. Только винтовку нападающие не взяли (часовые у нас стояли с учебной винтовкой для штыкового боя), а поставили ее у ленинской комнаты. После того как с часовым было «покончено», они нырнули в палатку третьего отделения и, набросив одеяло на Сашу, устроили ему «темную». Избить его не смогли, но напугать, конечно, напугали. Да и не только его одного. Когда мы влетели в палатку, там была добрая половина лагеря. Генка и Костя утверждали, что они проснулись лишь тогда, когда слышали Сашин крик, но в палатке уже никого не было. Никто не сомневался, что организовали «темную» Генка с Костей, но свидете-

лей найти не удалось. Впрочем, Женя был абсолютно уверен, что Санин прекрасно знал, чьих рук это дело, и так просто все это не забудет.

Если Андрей Малинин был, так сказать, «розой без шипов», то уколоться о Генку Корнеева было чрезвычайно легко, хотя и тот и другой роднились в главном: с детских лет были убеждены в том, что рыбку из пруда можно вытащить и не трудясь.

Родители Геннадия жили и работали вот уже несколько лет по контракту на Севере, на одной из шахт. Раза два-три в год сын приезжал к ним в гости. Его встречали черносливом в шоколаде, икрой, а в последний год — даже шампанским. Прощаясь с родителями, Геннадий всегда увозил с собой не только их напутствия, но и довольно приличную сумму денег «на мелкие расходы», которые по приезде в Ленинград растрачивал. Одинокая тетка, у которой жил Гена, работала главным бухгалтером крупного треста, приходила домой поздно и была слишком мягким и безвольным человеком, чтобы оказывать заметное влияние на своего племянника.

Я наблюдал такой случай: однажды недалеко от красносельского озера Генка отобрал у белобрысого маленького мальчонки лет пяти-шести единственную пойманную рыбку, а когда тот с криком побежал догонять, бросил рыбешку под колеса проходившей электрички. Зачем? Для чего? Генка не мог потом сказать сам. А мальчишка плакал.

И вот тогда Саша Санин подошел к Генке и молча, плотно сжав губы, дал ему по физиономии. Корнеев этого не ожидал. Отскочив назад, он хотел броситься на Сашу, но его не пустили ребята...

Вечером, после ужина, Совет командиров разобрал Генкин проступок.

Далеко не все члены совета понимали, в чем заключается тяжесть содеянного, серьезность Генкиной вины. Не сознавали, что это не просто хулиганство, а все дело в том, что один человек безжалостно и бессмысленно бросил под колеса огромную мальчишескую радость другого. Бросил жестоко, как садист. Ведь, наверно, это была первая самостоятельная удача мальчонки, который хотел принести ры-

бешку домой, отцу, маме и гордо сказать: «Смотрите! Это я сам, сам поймал!»

Вот этого не понимали некоторые наши ребята.

— Он же пошутил. Подумаешь, рыбешку отнял, — заявил даже Валя Селивановский. — Когда я был маленький, у меня велосипед отняли. Это другое дело!

Однако большинство членов совета с такой оценкой не согласилось.

— Это все равно, что отнять у рабочего парня первую получку, которую он несет домой, — заявил Саша. — Да и потом, измываться над маленькими и слабыми подло. Я считаю, что за это Корнеева не стоит брать в Барышево.

Так и постановили: «За жестокость и подлость лишить тосовца Корнеева права поездки на Вуоксу в Барышево, в лагерь районного комсомольского актива». (Эту поездку не побоялся нам пообещать Толя Евдокимов.)

Геннадий был вспыльчив, зол и не упускал случая использовать в своих целях ту или иную человеческую слабость. Благодаря тому, что даже в лагере у него постоянно водились деньги, многих ребят он покупал: лимонадом, конфетами, сигаретами, колбасой.

Кое-кому он давал деньги взаймы, что привело однажды к чрезвычайному происшествию. Произошло это так. Витя Епифанов, командир шестого отделения, был должен Корнееву два рубля, которые взял для покупки рыболовных принадлежностей. Возвратить долг в срок Виктору не удалось, и тогда Корнеев предложил ему следующее.

— Что-то клубнички захотелось, Витя, — сказал он, облизывая свои пухлые губы. — Будь другом, сообрази нам с Костей килограммчик свеженькой, и мы будем с тобой в расчете. Хочешь — на рынке, а хочешь — в доме, около пруда. Я видел — там хорошая, крупная. И нам хорошо будет, и тебе легче станет. А то знаешь за неуплаченный долг что бывает?..

Боясь расправы, Витя полез ночью в огород, но был пойман возвращавшимся с последней электрички хозяином. Намылив ему хорошенько шею, муж-

чина привел Виктора в лагерь, сдал нам, разбуженным и полусонным, на руки и, пообещав «доложить, куда следует», ушел. Сон с нас как рукой сняло. Это была первая кража, совершенная тосовцем, да еще младшим сержантом — командиром отделения! Это было наше первое настоящее ЧП!

Утром мы собрали Совет командиров. В том, что толкнул его на этот шаг Генка Корнеев, Виктор признался не сразу. Вызвали Корнеева. Однако очная ставка ничего не дала.

— Я же пошутил, — заявил он, глядя мне в глаза, понимая, что фактической ответственности за совершенную кражу он нести не может. — Да, да, пошутил. И потом я сказал: хочешь — на рынке купи, хочешь — у местных жителей. Я сказал — купи. Я же не говорил: иди воруй, пока электрички ходят. Ведь так, Витя?

Епифанов опустил глаза. Заметив это, Генка совсем осмелел.

— А если русский глагол «покупать» в языке данного товарища означает «воровать», то разве я в этом виноват?! — и Корнеев удивленно обвел глазами членов Совета командиров...

На этот раз он уходил с совета улыбающийся и незапятнанный. А Епифанова пришлось наказать. На вечерней поверке я зачитал приказ следующего содержания:

«Пункт первый. За порочащий тосовца поступок, выразившийся в краже ягод из огорода трудящихся соседей, младшего сержанта ТОСа Епифанова Виктора разжаловать в рядовые и снять с должности командира отделения.

Пункт второй. Учитывая, что по тосовским законам ответственность за совершенное преступление должна нести вся рота, приказываю командировать тосовца Епифанова на рынок в Красное Село для покупки одного килограмма клубники взамен той, которая была им украдена. Купленная клубника должна быть возвращена соседям. Деньги на покупку клубники взять из общетосовского фонда средств, заработанных в совхозе имени Жданова.

Пункт третий. Командиром шестого отделения назначить заместителя командира первого отделения

ефрейтора ТОСа Захарченко Бориса с присвоением ему звания младшего сержанта ТОСа».

Так было решено на Совете командиров.

Зачитав приказ, я подошел к стоящему перед строем Епифанову и с болью в сердце бритвой начал срезать сержантские лычки. Пока я это делал, Виктор стоял бледный, подбородок у него дрожал, и он сквозь зубы тихо повторял:

— Убегу, вот увидите, убегу!

Но осуществить свое намерение ему так и не удалось. Во-первых, мы с него глаз не спускали, а во-вторых (и это было главным), Витя был из тех ребят, кто уже успел полюбить лагерь и не хотел покидать его. Тем более что самое интересное в нашей жизни только начиналось.

„ВОРОНЯ ГОРА“

Распорядок дня с утра в лагере был такой: в 7.00 подъем, физзарядка, туалет, утренний осмотр, завтрак. В 10.00 мы начинали работу в совхозе имени Жданова.

Скажем прямо, это не был «свободный труд свободно собравшихся людей». Привести роту в полном составе на поле, где в бурьянных тисках изнемогала обессиленная капустная рассада, было делом нелегким. Но еще трудней было убедить ребят в том, что прополка — это дело нашей чести и трудовой славы. Этот вид работы пацаны презирали, считая его женским, а другой работы в совхозе нам подобрать не сумели, а может быть, и побоялись. Как-никак репутация у нас была не ахти какая хорошая.

Несмотря на самое широкое применение новых принципов экономического планирования и стимулирования (лучших пропольщиков мы отпускали в увольнение, премировали конфетами, грамотами), больших успехов на этом фронте нам добиться не удалось: работали ребята без огонька. Впоследствии в тосовской анкете, которую ребята заполняли после окончания лагеря, все, как один, на вопрос: «Что тебе не нравилось в лагере больше всего?» — ответили одинаково: «Работа на прополке капусты». Од-

нако, разумеется, работали все по-разному. Игорь Галадник, Саша Санин, Боря Захарченко, Толя Голышев и другие быстро и чисто пробежали свою пятисотку и с одним из воспитателей уходили на озеро купаться. Другая часть ребят, в число которых прежде всего входили такие «молодые розы», как Андрей Малинин, Генка с Костей, Сергей Вонарин и еще человек пять-шесть, обивали порог медицинского пункта, готовые лучше глотать касторку, чем работать. В тех же случаях, когда освобождение им получить не удавалось, они ползали по грядкам, как черепахи, больше ворчали, чем пололи, и оставляли за собой множество огрехов, которые фиксировались совхозной звеньевой Катей, принимавшей нашу работу.

Но худо ли, бедно ли — дело продвигалось, поле принимало божеский вид, и освобожденная от железных бурьянных объятий капуста тянула из земли живительную влагу и кое-где уже начинала завязываться в узелки. За проделанную работу нам ежедневно перечислялись деньги на текущий счет, который был специально для нас открыт в бухгалтерии совхоза. На Совете командиров было решено истратить эту сумму на памятные подарки и на грандиозный банкет, который мы собирались устроить в кафе «Гренада» по возвращении из лагеря перед началом нового учебного года.

Но в тот момент до банкета было еще далеко. Лагерь стоял накануне настоящего большого сражения, которое должно было разыгаться около легендарной Вороньей горы. О масштабах предстоящего боя можно судить хотя бы по тому, что, помимо взрывпакетов, дымовых шашек и гранат, в операции принимали участие два настоящих бронетранспортера БТР, которые должны были доставить воюющие стороны в районы сосредоточения.

План проведения военной игры разрабатывался нами с такой тщательностью, которой могли позавидовать крупнейшие военные сражения минувших войн, где основу составляла рукопашная схватка. Чертились кроки маршрутов, заготавливались таблицы огня, аккумулировались боеприпасы.

Рота была разбита на две воюющие стороны («зе-

ленных» и «синих»), каждая из которых имела свое командование, штаб и свои тылы. Вначале все было разыграно на ящике с песком, где сами же ребята сделали отличный макет района предстоящих боевых действий. Наконец все было готово. По случаю «войны» на три дня были отменены все сельскохозяйственные работы, что заставило совхозное ОТК, звеньевую Катю, выступить перед нами с речью от имени женщин-пацифисток. Но призывы вернуться к мирному труду только подлили масла в огонь, куда не терпелось ринуться истосковавшимся по настоящему мужскому делу тосовцам. Мы посоветовали Кате держаться подальше от района боевых действий.

И вот в назначенный день под утро по тревоге был поднят сначала первый, а потом второй взвод. Им надлежало совершить марш-бросок до условленного места, где в соответствии с предварительной договоренностью в 8.00 нас должны были ждать бронетранспортеры.

За тридцать минут до назначенного срока командир «синих» Игорь Галадник вывел свой отряд к высоте «Огурец». Мы с Виктором, как посредники, ни к чему придаться не могли. Занятия по топографии пошли ребятам на пользу. Ориентирование на местности, хождение по азимуту, чтение карты — все было на твердую пятерку. До прихода БТР оставалось еще тридцать минут, и командир дал команду готовить завтрак. Через пятнадцать-двадцать минут начальник продовольственной службы «синих» Коля Анциферов разливал по кружкам вкусный горячий кофе и раздавал хлеб с сыром. Ели молча, сосредоточенно, как перед настоящим боем.

Ровно в 8.00 с грохотом подлетела боевая техника. Артистически развернувшись вокруг своей оси и затормозив, как фигурист на льду, бронетранспортер остановился. Из кабины вылез водитель и весело поздоровался с нами.

— Подкрепляемся перед боем? Правильно, без этого нам, солдатам, нельзя. Где у вас здесь командир?

Поднялся с пенька Игорь. Водитель, помня о нашем разговоре накануне, прыгнул с машины и, пере-

став улыбаться, приложив руку к головному убору, доложил:

— Товарищ командир отряда! Прибыл в ваше распоряжение! Будем знакомы: младший сержант Разуваев.

— Младший сержант Галадник, — смущенно представился Игорь и, покраснев, уставился на меня, как бы спрашивая, что ему дальше делать с этой грозной машиной и с этим веселым водителем.

Но я молчал. Посредник не должен был подменять командира. Да в этом и не было необходимости. Почувствовав, что помощи со стороны ждать не приходится, Галадник вполне профессионально достал из полевой сумки карту и, разложив ее на пенке, стал показывать маршрут водителю. К ним подошел Коля Анциферов.

— Не хотите ли кофейком побаловаться, товарищ младший сержант, — спросил он, протягивая водителю кружку с кофе и бутерброд.

— С удовольствием! — Разуваев взял кружку, отхлебнул и, чмокнув губами, восхищенно спросил: — Трофейный небось?

— Ага! — энергично закивал головой польщенный Коля, как всякий интендант, абсолютно убежденный в том, что самый вкусный продукт — это, конечно, трофейный!

Через десять минут, подав уверенным командирским голосом команду: «По машина-а-ам!» — Игорь повел бронетранспортер в направлении Вороньей горы. На груди у него висел бинокль, а на коленях лежала карта. Он был счастлив.

Стремительное движение бронетранспортера, который, не снижая скорости, неся по буеракам, оврагам и болоту, еще больше зарядило ребят и так бьющей через край энергией. Было видно, что им не терпится показать себя в деле. Одной из основных задач посредников являлось поэтому сдерживание боевых страстей, которые могли привести к настоящей драке. Однако, несмотря на строгий контроль и неплохую, на наш взгляд, организацию военной игры, избежать этого не удалось. Но расскажу все по порядку.

Прибыв в район сосредоточения, Игорь отпустил бронетранспортер и приказал своим подчиненным замаскироваться. Затем, поставив боевую задачу, начал из укрытия со своим отрядом по-пластунски продвигаться в направлении высоты рядом с Вороньей горой. На ней, по данным разведки, должны были находиться «зеленые» во главе с Сашей Саниным.

По условиям игры у каждого солдата и офицера на рукаве была повязка (синего или зеленого цвета), снятие которой означало вывод из строя и давало победителю десять очков. Самой желанной победой был захват боевого знамени. Успех этой операции оценивался в пятьдесят очков. Помимо этого, учитывалось умение ориентироваться на местности, меткость гранатометания (дымовыми гранатами, конечно), захват «языка», доставка донесений, захват боеприпасов, а также ряд других боевых действий, осуществление которых планировалось заранее. За всем этим наблюдало десять посредников (нам помогали слушатели академии), однако и их оказалось недостаточно.

Узнав, где находится командный пункт «синих», Саша Санин решил пойти на хитрость, детали которой, как оказалось, были разработаны еще до начала боя. «Звезда советского экрана», а ныне разведчик Виктор Малышев, переодевшись девчонкой (с этой целью он взял напрокат в «клубничном» доме у дочери хозяйки Верки юбку, косынку и кофту), легко достиг расположения «синих» и взобрался на крышу скотного двора, метрах в двухстах от которого стояло заветное синее знамя. Так и сидел он, нахально грызя семечки, болтая ногами из-под юбки и выжидая удобного момента для захвата знамени. Часовой у знамени Миша Пашков вначале косился на сидящую девчонку, но очень скоро развернувшиеся события заставили его позабыть о ней. Примчавшийся от командира отряда посыльный Толя Голышев передал донесение, в котором указывалось, что со стороны рощи следует ожидать действий передовой группы противника в составе двух человек, посланной, вероятно, для захвата знамени. Толя придавался Мише в качестве средства усиления. Вскоре должны были подойти еще два человека. По плану перемещения через двадцать минут все четверо должны были переместиться со знаменем на новое место, где их ждал Галадник со своим штабом. Донесение было послано своевременно, так как из-за кустов вдруг выскочили «зеленые»: Геша Михайлюк и Сережа Прохоров. Стараясь сорвать с противника повязки, Миша и Толя бросились на них, но те, размахивая дымовыми гранатами, как тореадоры красной мантильей, стали отходить в кусты. Этот нехитрый прием, может быть, и не заставил бы караул покинуть свой пост у знамени, если бы Сережа Прохоров вдруг не швырнул гранату и, как обезьяна, не полез на высокую сосну. Это поставило часовых в тупик. Что делать? Бежать за Голышевым или лезть снимать этого дурака Серегу? Часовые решили обстрелять Сергея шишками. Однако их обстрел особого вреда Прохорову причинить не мог. И вдруг Сергей издал победный тарзаний крик, который означал лишь одно: гвардейский первый взвод мог кататься по земле и рвать на себе волосы, — Витька Малышев, бесстыдно подоткнув юбку, невероятно быстро семена

ногами, как в ускоренной киносъемке, улепетывал по полю, крепко держа в руках боевое знамя противника.

Чаша весов явно склонялась в пользу второго отряда. Галадник, узнав о захвате знамени, был взбешен настолько, что, забыв о моем присутствии, довольно недвусмысленно высказал Пашкову и Голышеву все, что о них думал, тем самым заставив меня снять с первого взвода еще десять очков за излишнюю эмоциональность. Когда я сказал об этом Игорю, он так посмотрел на меня, что я пожалел о принятом решении. Главный посредник тоже в конце концов должен быть человеком.

— Если вы не вернетесь назад хотя бы с одним знаменем, — дрожа от злости, сказал Игорь Пашкову и Голышеву, — то лучше не попадайтесь мне на глаза. Или нет, стойте, — передумал он. — Я сам пойду с вами, и Алика еще возьмем. А ты, Боря, оставайся за меня и постарайся отвлечь их внимание слева. Не жалея взрывпакетов и гранат. Понял? Пошли, Алик.

Алик Воронов, рослый, медлительный, скорее добродушный, чем агрессивный, подросток, подошел к Игорю, тихо млея от оказанного доверия.

— Не трухай, Игорек, — спокойно сказал Алик, — уведем мы у них знамя.

Однако все, и Алик в том числе, понимали, что задача будет не из легких. Сознавали это и мы, посредники. Вот почему было решено, что со штурмовой группой Галадника пойду я. По всему чувствовалось, что эта группа будет драться не на жизнь, а на смерть. Именно это нас и пугало — наша война должна быть бескровной.

Должна была быть, но не была...

Нужно отдать должное еще раз Игорю: маршрут движения к тригонометрическому пункту, возле которого находился, по данным разведки, штаб «зеленых», был выбран Галадником очень удачно. На всем пути следования не было видно никаких следов противника, и группе удалось скрытно подполз-

ти к самой поляне. Нашим глазам открылась следующая картина. Около вышки сидели «зеленые», и Санин что-то говорил им, показывая рукой на правые скаты высоты, откуда доносились разрывы взрыв-пакетов. Это «синие» шли в атаку. По плану операции через 10 минут Герман должен был дать сигнал красной ракетой. Это означало, что второй взвод пойдет в контратаку. Посредником на высоте у «зеленых» был Женя Дьячков. Поднявшись на вышку, он наблюдал в бинокль за полем боя. И вот в небе появилась ракета. Оставив у знамени Генку Корнеева, Костю Охотникова и Витьку Малышева, Санин со своим отрядом бросился вниз.

Через несколько минут грянул бой: зашипели дымовые шашки и гранаты, обволакивая рошу густым белесым дымом, захлопали взрывпакеты. Войска сошлись в рукопашной схватке.

Тем временем события на высоте развивались следующим образом: когда Корнеев увидел, что из-за кустов выскочили Галадник, Воронов и Голышев, он схватил знамя и вместе с древком зашвырнул его на сосну, стоящую около вышки. Для того чтобы достать его, «синим» надо было «убить» всю охрану «зеленых», так как иначе те не дали бы возможности залезть на дерево. Началась погоня. Наконец Алику посчастливилось сорвать с Корнеева повязку.

— Ура! Генка готов! — заорал он и, размахивая повязкой, помчался к сосне, на которой висело знамя. Игорь в это время безуспешно гонялся за Костей, а Малышева и Голышева вообще не было видно.

Но не успел Алик взобраться по гладкому стволу дерева на два метра, как к нему подскочил «убитый» Корнеев и начал его стаскивать. Это было против правил, и мы с Женей (он с вышки, а я из-за кустов) почти одновременно засвистели и побежали к сосне. Однако это не остановило Генку. Схватив Алика за брюки, он продолжал стаскивать его с дерева. И тогда Воронов ударил Корнеева. Когда мы подбежали, он, отчаянно ругаясь, показывал нам с Женей выплунутый на ладонь выбитый зуб.

— Ну ладно, ты еще у меня поплачешь! — при-

грозил он Алику, который, схватив в это время зная, прыгнул с дерева и бежал к Галаднику. Через минуту оба скрылись в кустах.

Это был, пожалуй, единственный неприятный момент во всей военной игре. В остальном все прошло организованно и интересно.

В 13.00 прозвучал сигнал отбоя, и, собрав ребят, взмокших и раскрасневшихся, мы начали собираться домой. Захлебываясь и перебивая друг друга, мальчишки вспоминали перипетии битвы, в которой они рубились.

Детальный разбор игры и окончательный подсчет очков мы решили провести в лагере. По предварительным итогам взвод Санина проигрывал лишь потому, что по условиям игры мы должны были снять с «зеленых» тридцать очков за то, что «убитый» Корнеев «воскрес» и действовал в нарушение правил. Это сообщение окончательно восстановило против Генки не только «синих», но и своих, «зеленых».

Кстати, ни его, ни Алика Воронова нигде не было видно. Боясь, как бы чего не случилось, я и Женя пошли на поиски. Проискав полчаса, мы хотели уже возвращаться к вышке, как вдруг из кустов донесся спокойный голос Алика:

— Тебя ненавидят все: и капитан, и Женя, и ребята. Твой друг Костя и тот сегодня сказал, что ты подонок. Ты думаешь, мы не знаем, кто устроил «темную» Санину? Ты думаешь, мы не знаем, что ты заставил Малинина пойти в Красное Село за вином? Ты думаешь, мы не знаем, кто налил в постель Варакайне?

— Это не я, это Костя, — послышался Генкин голос, робкий и виноватый, совсем не такой, какой мы привыкли слышать.

— Я знаю, что Костя. Но ты же сам обещал ему за это колбасу купить! Тебя за одно это изметелить надо.

Мне показалось, что сейчас снова вспыхнет драка, и я поэтому решил выйти из нашего укрытия. Но Женя замахал руками и дал знаками понять, что надо слушать.

— Разве плохая жизнь в лагере?! Это все знают, а ты ребят против капитана и воспитателей настраи-

ваешь, уговариваешь в Ленинград бежать... А ты знаешь, что у Киселя, Пшенкина и у других ребят матери по семьдесят рублей получают? А тут лагерь бесплатный, одевают, кормят как на убой. Я тебе сегодня сгоряча по зубам заехал, но помни: если ты не прекратишь в лагере воду мутить, то тебе здесь не только челюсть — ноги и руки переломают. Понял? И плевать мы хотели на твоих ребят. Я тоже могу кое-кому сказать, если надо будет. А теперь пошли.

Подождав немного, пока ребята не отойдут, мы с Женей тоже направились к вышке. Кто бы мог подумать?! Медлительный, спокойный увалень Алик Воронов и вдруг выступает в роли общественного обвинителя. Вот уж не ожидали!

СЕРЕЖА ПРОХОРОВ

Воровать Сережа начал с одиннадцати лет. В комиссии по делам несовершеннолетних мне показали папку, где хранилось его личное дело. Очень любопытные там были документы. Приведу лишь один перечень совершенных им краж.

...Прохоров Сергей по совету Кунарева украл из пивной около Политехнического института десять пачек «Беломора».

Кунарев заставил Прохорова украсть велосипед «Турист» и отдать его ему, обещая за это дать Прохорову двадцать рублей. Денег Прохорову Кунарев не дал.

Совместно с группой подростков совершил кражу металлического ящика-сейфа из столовой школы номер сто двадцать четыре. Взломали и похитили из него пятьдесят штук талонов на питание. Оставшиеся в ящике талоны и рулонку Прохоров и Кунарев сожгли.

Совместно с Тигоревым из помещения Ленинградского политехнического института похитили дамскую сумочку, в которой оказался кошелек с деньгами в сумме три рубля сорок копеек, три театральные билета и документы (документы они выбросили, а деньги поделили между собой. Театральные билеты Прохоров отдал Кунареву).

Пытался подобрать ключи к замку в дверях аптеки, расположенной по Большой Спасской. В этот же день Прохоров организовал кражу денег из служебной раздевалки бани, расположенной по Большой Спасской, откуда с группой подростков похитили двадцать пять рублей десять копеек, сезонный билет, сахар, мармелад. Деньги поделили, из них двадцать два рубля взял себе Прохоров. Придя домой, десять рублей отдал Кунареву (который проживает в одном доме).

В заключение документа было написано:

«В связи с изложенным и на основании положения комиссии по делам несовершеннолетних комиссия постановляет: Прохорова Сергея Ивановича, г. р. 1951 направить в детскую воспитательную колонию за пределы Ленинградской области».

Так началось Сережино хождение по колониям, специнтернатам и другим «спецзаведениям».

Кто же он такой, этот Сережа Прохоров, в одиннадцатилетнем возрасте умудрявшийся совершать по несколько краж в сутки? Уж он-то наверняка «неисправимый»!

В наш лагерь он попал позже всех, уже после открытия. Привез его сам секретарь райкома комсомола Толя Евдокимов. У секретаря было такое выражение лица, какое бывает у жалостливого коменданта общежития, вынужденного вселять пропойцу и дебошира в комнату, где живут тихие и трезвые студенты-заочники.

— Он хороший, в футбол играть любит, — робко и застенчиво отрекомендовал он Сережку и, чувствуя, что надо еще что-то добавить, сказал: — Он, правда, ничего, просто подвижный очень.

В лагере хватало своих подвижных, а тут еще один, да с такой репутацией. Но делать было нечего. Пришлось взять.

Сережа действительно оказался чрезвычайно шустрым. Залезть на верхушку самой высокой сосны или перепрыгнуть через широкий ров с водой — было для него плевым делом. Во время поездки лагеря на Карельский перешеек в течение пятими-

нутной остановки автобуса он умудрился поймать змею и тут же в машине мастерски снял с нее кожу. На Вуоксе он пустился вплавь за ондатрой, каким-то чудом настиг ее и принес в лагерь. Словом, ни одной минуты он не мог пробыть в спокойном состоянии и постоянно куда-то бегал, что-то искал и что-нибудь откалывал. Но все было в пределах нормы.

Мы полюбили его за живость, легкий нрав, простоту и общительность. Сережа не только вписался в коллектив таких же, как он, мальчишек, но и стал его гордостью: был чемпионом лагеря по легкой атлетике, абсолютным чемпионом по плаванию, хорошо играл в футбол, волейбол и настольный теннис. Он любил спорт и страстно хотел попасть в спортивную школу, но вместо этого находился в лагере для «трудных» подростков в ожидании новой путевки в одно из самых строгорежимных исправительных заведений для несовершеннолетних рецидивистов.

Думая о Сереже, трудно отделаться от мысли, что спорт мог явиться для него тем спасательным звеном, с помощью которого можно было вытащить всю цепь. Ведь говорила же Надежда Константиновна Крупская, что у бузотеров особо важно воспитывать самостоятельность, давать ей развернуться. А уж где-где, а в спорте Сергей мог бы развернуться с блеском.

Мне могут возразить: при чем тут спорт? Одно другому не мешает. Можно быть спортсменом и наглым хулиганом в одно и то же время!

Но даже если допустить, что одно другому не мешает (хотя в действительности мешает или по крайней мере должно мешать), то все равно до колонии Сережа, наверное, бы не дошел, если бы вся его энергия, находчивость и решительность были направлены совсем в другое русло.

Я задаю себе вопрос: почему Сережа у нас в лагере не воровал? Ведь были все возможности для того, чтобы его криминальные способности развернулись во всем блеске: все было открыто. Терять Сергею нечего: он знал, что через два-три месяца снова расстанется с Ленинградом. Перед его приездом в

наш лагерь комиссия по делам несовершеннолетних опять приняла решение о его отправке в исправительное заведение.

Зная об этом, Сергей должен был еще больше распуститься. Но этого не случилось. Меньше всего мне хочется отнести это за счет нашей работы, хотя было бы неверно говорить, что мы не старались сделать так, чтобы жизнь ребят в лагере была разнообразной, интересной, наполненной, чтобы мальчишки полюбили лагерь, дорожили его честью. Главное все же, как мне кажется, было в самом Сергее, в нем как личности. Как-то в откровенном разговоре с Герой (которого Сергей очень полюбил) он признался:

— Не могу я тут воровать, Гера. Здесь как будто на фронте, перед боем. Кругом военные. Все какие-то свои, не чужие...

Невольно напрашивается вопрос: но как же быть дальше? Сегодня, как перед боем, лагерь, военные, свои, а завтра? Вернется в город и снова примется за старое, пока райисполком не получит путевку? Ведь недаром называют его неисправимым.

А ведь у него хорошая душа, он может и должен стать настоящим человеком, а вот катится, катится, никто не может остановить. Так кто в этом виноват?

Я смотрю его «послужной» список, и у меня растет, крепнет убеждение в том, что больше всех в Сережкином падении виноват Кунарев.

«...Кунарев заставил Прохорова украсть велосипед...» «Театральные билеты Прохоров отдал Кунареву...» «Придя домой, 10 рублей отдал Кунареву...» «Денег Прохорову Кунарев не дал...»

Кунарев... Кунарев... Кунарев... Кто же он такой этот Серегин Мефистофель?

На языке юристов и социологов это называется «социальное окружение», а на языке Сережки — это просто сосед по дому, старший парень со двора.

Сколько вреда Прохоровым причиняют вот такие полувзрослые кунаревы? Это они, шестнадцати-восемнадцатилетние парни дают мальчишкам докурить обслюнявленные чинарики. Это они учат их ругательствам, в которых оскверняется самое святое слово — мать. Это кунаревы наводят на кражи, нередко оставаясь в стороне от самого преступления, но не в стороне от дележа добычи.

Когда я спросил инспектора комиссии по делам несовершеннолетних, какова судьба Кунарева, она удивленно вскинула на меня глаза: «Какого Кунарева? Я вам о Прохорове говорю!»

И у Сережи трудная судьба. Мать — администратор кафе. Работает вечерами. Отца у Сережи нет. Есть бабушка. Старый член партии. Человек чуткий, понимающий, она пытается вырвать Сережу из рук кунаревых, но не может, да и сложно ей — живет она в Выборге.

Однажды ночью (это было незадолго до приезда к нам в лагерь) Сережу избил дядя Леша — временный папа. Сергей убежал. Три дня он скитался по дворам и чердакам, находя приют и понимание («все они такие, бабы, Серега!») у других кунаревых. Того, первого, Кунарева рядом уже не было: взяли в армию.

Мудрено ли, что в течение трех суток не без помощи своих новых старших «друзей» Сережа вновь совершил кражу, за которую его теперь посылали в спецучреждение?!

Безусловно, на мать Сергея падает большая доля вины, и не случайно стоял вопрос о лишении ее прав материнства. Но только ли она одна виновата?

Если Сережину маму обвиняют абсолютно все, то Кунарева почти никто. К уголовной ответственности его не привлечешь: у него-то руки чистые, он все делает Сережиними руками, так как знает, что того судить не будут — слишком мал. А то, что душа у Кунарева как помойная яма, то за это, к сожалению, к ответственности не привлекают. И вот ведь что особенно поразительно. Милиция ведет расследование каждого преступления, совершенного подростком. Иногда (далеко не всегда, так как пацаны больше боятся мести кунаревых, чем милиции) устанавливают, что оно совершено под влиянием (прямым, а чаще косвенным) старших. Ну и что дальше? Судят кунаревых? Судят, как правило, лишь тогда, когда налицо явные улики в соучастии или подстрекательстве. А сколько бывает случаев, когда Прохоров идет воровать из-за того, что Кунарев научил его пить водку или дал взаймы денег?!

Сколько бывает случаев, когда преступление, совершенное мальчишкой, является логическим завершением растленного воздействия (нередко даже бескорыстного, просто из-за желания передать свой «взрослый» жизненный опыт) на него более старших подростков?! Когда набирается достаточное количество таких преступлений, неисправимого Прохорова отправляют в колонию или другое исправительное заведение, а о Кунареве забывают.

А ведь по-настоящему Кунарев не только соучастник. Он преступник. И даже больше. Если доказано, что прямо или косвенно он толкал Сережу на кражу, то он должен, обязательно должен понести наказание. Так должно быть по нашим социалистическим гуманным законам. Так должно быть, но, увы, не всегда бывает.

Но чтобы оградить детей от растленного влияния кунаревых, одних репрессивных мер мало. Надо сде-

лать так, чтобы Сережка, выучив уроки, бежал сломя голову в клуб РВС («Ребята Выборгской стороны»), например, где бы его ждал боксерский ринг, кабинет морского дела, где бы он по-мальчишески влюбился в своего двадцатилетнего комиссара, заменившего ему не только Кунарева, но и отца и брата.

«Ребенок умеет любить того, кто его любит... И его можно воспитать только любовью, — писал в одном из писем Феликс Дзержинский. — А когда с возрастом его сила воли окрепнет, когда он научится лучше владеть собой, тогда управлять им будет его собственная совесть, а не плохая среда, внешние жизненные условия и т. п., что так часто приводит к моральному падению».

Не в отсутствии ли такой любви причина Сережиной трагедии? Ведь любящего, близкого человека все эти годы рядом с ним не было.

ПРАВОНАРУШИТЕЛИ С „ЗОЛОТЫМИ РУКАМИ“

Однако, если Сережа Прохоров ничем, кроме спорта, не интересовался, то были в нашем лагере и такие ребята, которые понимали толк в технике и даже сами пытались собирать приемник. Таких было двое: друг Генки Корнеева Костя Охотников и его товарищ по интернату Женя Алферов. К нам они тоже попали за «любовь» к технике. В милиции эту категорию правонарушителей неофициально именуют «автоматчики».

Но прежде чем рассказать их историю, следует сделать небольшое отступление, тем более что проблема, о которой пойдет речь, выходит далеко за пределы уголовного кодекса.

Представьте себе такую картину: пожилому человеку вдруг стало плохо. Жена побежала к соседям, дети помчались звонить по телефону-автомату, чтобы вызвать «Скорую». А утром весь дом узнал, что человек умер. В возрасте пятидесяти пяти лет. «Скорая» опоздала на пятнадцать минут. Ровно на столько, сколько потребовалось, чтобы обежать пять будок, где безжизненно висели автоматы со срезанны-

*И люди, и машины ждали
голоса звонка, звать раненых
в бой за самое дорогое на
земле — человеческую жизнь.
Но сигнала не было*

ми трубками. Аппараты в тот вечер опять молчали. И никакая сила не могла заставить их заговорить. На том, на другом конце не спали люди в белых халатах, стояли наготове кремовые машины с красным крестом. И люди и машины ждали только звонка, чтобы ринуться в бой за самое дорогое на земле — человеческую жизнь. Но сигнала не было. И человек умирал. А его можно было спасти, если бы другой не вырвал язык и голосовые связки у большого и умного друга всех людей — телефона.

Немного статистики. В бюро ремонта АТС, обслуживающем Выборгский и Калининский районы Ленинграда, мне сообщили: за ноябрь 1968 года было срезано из телефонов-автоматов (в основном в районах новостроек) пятьсот девяносто три трубки. Восстановлено же двести восемьдесят, то есть меньше половины. Это за один месяц в одном районе!

Теперь о самих правонарушителях, о тех, кого в нашем лагере представляли Костя Охотников и Женья Алферов. Кто они? Вредители? Слабоумные? Спекулянты радиодетальями или осовремененные че-

ховские злоумышленники, которые не ведают, что творят?

Большинство «автоматчиков» не подходит ни под одну из названных категорий. Есть, конечно, и несовершеннолетние спекулянты, продающие микрофоны за трешку взрослым дядям-радиолюбителям. Есть и злоумышленники постарше, знающие, что на углу Невского и Литейного около радиомагазина можно обменять телефонную трубку «на полбанки». Но и тех и других сравнительно немного.

Зачастую на преступление их толкнуло хобби — радиотехника или музыка. Для того чтобы собрать приемник, магнитофонную приставку или (что бывает сейчас особенно часто) переделать обыкновенную гитару в «электронинструмент», можно с успехом использовать телефонную трубку. Тем более что микрофон, которым она оснащена, бывает в продаже редко. А кто не знает, какое это огромное наслаждение (особенно в пятнадцати-шестнадцатилетнем возрасте) — собрать собственными руками приемник или блеснуть на вечере модной электрогитарой?!

Не случайно абсолютное большинство «автоматчиков» никогда больше не совершают правонарушений другого рода. Такова внешняя сторона этого дела.

«Но позвольте! — удивится и вознегодует, очевидно, читатель. — Ведь даже случайное, непредвиденное убийство по неосторожности или халатности влечет за собой серьезное уголовное наказание. А тут? Ведь автор сам рассказал о том, как эти «золотые руки» убили человека, а теперь чуть ли не оправдывает этих вандалов?»

Здесь могут быть два мнения.

Одни считают, что лучшим средством пресечения этой дикости будет строжайшее уголовное наказание, другие же ругают радиопромышленность и думают главным образом о том, что толкнуло этих подростков на правонарушение, что явилось его поводом, а не причиной.

Но есть и еще одна точка зрения. Вот о ней нам и хотелось бы поговорить.

Наверно, недалеко то время (в это хочется ве-

рять), когда у нас судить будут за эгоизм, за жестокость, за бессердечие. И высшей мерой наказания за эти черты характера будет... общественное презрение. Ну, а пока нас интересует иногда не личность правонарушителя, а его *поведение*.

Наша реакция на нарушение общественного порядка со стороны подростков нередко напоминает своеобразный условный рефлекс по формуле: «Проступок — наказание». Причем в этой формуле нас прежде всего интересует формальная, юридическая сторона дела, затем психологическая, и потом уж нравственная. А должно быть (по крайней мере применительно к несовершеннолетним) совсем наоборот.

Если постоянно помнить об этом, понимать, что критерием нравственности для подростка является его отношение к себе и окружающим его людям, то и в своей практической воспитательной работе взрослые формировали бы у детей прежде всего нормы морали, а не нормы поведения.

Я начал рассказ о Косте Охотникове и Жене Алферове с очень печального эпизода не случайно. В том, что человек раньше времени ушел из жизни из-за срезанной телефонной трубки, следует усматривать прежде всего нравственный, если так можно выразиться, «личностный» состав преступления.

Летом 1966 года мне довелось присутствовать на заседании комиссии по делам несовершеннолетних, где разбиралось дело Кости и Жени. Говорили о них: «Хулиганы, правонарушители, расхиители государственного имущества (на это делали особый упор), грабители!»

Но никто не сказал: «Вы — эгоисты! Вы поступили подло!»

На заседании комиссии не интересовались нравственной стороной проступка, а ведь именно она-то и должна была показать подростку всю глубину его *морального падения*, падения в пропасть, которая разверзлась между ним и нами, между его подлостью и нашей человечностью, разверзлась в тот момент, когда он, торопливо срезав трубку, спрятал ее за пазуху. Если бы он понял, что, обрезая провод, обрезает нити, связывающие его с людьми, доб-

ротой, честностью, — может быть, он остановился. Если бы понял... А для того, чтобы понял, надо его нравственно воспитать. Я понимаю, что легче легкого сказать: «надо». А как это сделать? Какие дать практические рекомендации? Ответить на эти вопросы чрезвычайно трудно. Я лишь хочу поделиться некоторыми своими мыслями, на которые навело меня дело Алферова и Охотникова.

В интернате, где они учатся, много кружков. Есть и радиолюбительский. Им руководит молодой техник Виктор Сергеевич. То ли потому, что он сам еще почти юноша, то ли потому, что ему часто недосуг поболтать с ребятами о чем-то другом, Виктора Сергеевича мало интересует внутренний мир мальчишек. Но они его любят, даже боготворят за то, что он открывает им волшебный мир творчества, где лампы, полупроводники и конденсаторы значат столько же, сколько ноты для музыканта.

Виктор Сергеевич никогда не спросит, где ребята достают деньги на покупку тех или иных радиодеталей, куда реализуют собранный приемник, на что расходуют вырученные деньги.

А зря. Именно он-то и мог бы оказать на ребят самое благотворное нравственное воздействие, ибо мальчишки буквально ловят каждое его слово. Но мало слов говорит им руководитель кружка.

Однако, конечно, не один Виктор Сергеевич виноват в том, что Костя и Женя стали «автоматчиками» и попали в лагерь для «трудных».

За месяц до того, как они были пойманы с поличным (в кармане у Кости была найдена телефонная трубка), с ними произошла история, которая тоже имеет самое непосредственное отношение к тому, что Костя и Женя стали правонарушителями. А случилось вот что: один из жильцов дома, расположенного напротив их интерната, офицер Советской Армии, разговорившись с ребятами и узнав, что они занимаются в радиокружке, пригласил их домой и подарил им старый магнитофон. Аппарат этот отслужил свой век, чаще бывал в ремонте, чем дома, и наконец перестал работать совсем.

— Владейте, — сказал на прощание майор, — может быть, сумеете наладить. А не удастся, так хоть

покопаетесь, все польза будет. А мне он не нужен. Я себе новый купил.

Костя и Женя принесли магнитофон к себе в спальную комнату и спрятали под кровать. В тот же вечер его обнаружил классный руководитель. Дальше события развивались с головокружительной быстротой: несмотря на объяснения мальчиков, педагог заявил, что не верит ни одному их слову, что он «не такой дурак, чтобы думать, будто магнитофоны взрослые люди могут дарить незнакомым ребятам» и что он «конфискует магнитофон», так как уверен, что они его украли. Затем, тут же на самоподготовке, в присутствии всего класса было устроено судилище, где классный наставник выступил с большой обвинительной речью, назвав ребят «ворами и обманщиками».

На следующий день мальчишки прибежали к офицеру, подарившему магнитофон, и обо всем ему рассказали. Вечером, на самоподготовке, смущенный и растерянный, новый знакомый выполнял функцию судебной защиты. Костя и Женя были оправданы, а магнитофон передан Виктору Сергеевичу.

Но, к большому сожалению, педагог не нашел в себе мужества извиниться.

И вот спустя месяц ребят поймали на воровстве... Самое грустное в этой истории было то, что их классный руководитель (учителя просили меня не называть его имени) торжествовал, что оказался тогда прав. Он думал о себе и почти совсем не думал о мальчишках, которые были его учениками.

В данной конкретной ситуации вместо того, чтобы привлечь в качестве своего союзника в воспитании реальную доброту и бескорыстность незнакомо-го человека, учитель избрал другой путь: обвинил в воровстве и заставил ребят целые сутки находиться в состоянии унижительном и незащищенном.

Этот педагог плохо выполняет свой основной общественный долг: учить детей самому главному — человеколюбию. Если воспитатель призывает к добру, а на деле сам показывает примеры эгоизма и бессердечия, его надо тоже привлекать к ответственности, педагогической и гражданской.

В последнее время много пишут о семье «труд-

ного» подростка. Социологи подсчитали, сколько «трудных» живут без отца, сколько в коммунальных и отдельных квартирах, у кого какой доход на душу, у кого родители не имеют среднего или высшего образования. Все эти данные интересны и необходимы, но они не дают полного представления о причинах существования преступности несовершеннолетних в нашей стране. Вероятно, прежде всего это происходит потому, что трудно определить пути, характер и степень нравственного воздействия (действительного и потенциального), которое оказывает семья на подростка.

Я знаю одну семью: мать и два сына. Одному сейчас семнадцать, другому пятнадцать. Их отец десять лет тому назад погиб в железнодорожной катастрофе. Мать, с шестью классами образования, никогда до этого не работавшая, была вынуждена пойти на завод подсобницей. Проработав полгода, пошла учиться в вечернюю школу, потом в вечерний техникум. В прошлом году она закончила политехнический институт. У этой маленькой женщины оказалось столько нравственной силы, что ее хватило на всех троих.

Несмотря на то, что ребята были предоставлены самим себе, улица не сделала их эгоистами. Не сделала потому, что мать, при всей занятости ее, заменив отца, сумела стать для сыновей Главным Воспитателем. Школа? Она только помогла.

Я не знаю, какие педагогические приемы применяла эта женщина, что говорила и как поступала в тех или иных ситуациях, но ясно одно: интуитивно или сознательно она следовала главной заповеди педагогики: воздействовать на воспитанников не только и не столько словами, сколько непосредственно всей своей личностью, всем своим духовным обликом. И это не могло не дать положительных результатов.

Если говорить, выражаясь языком психологов, о направленности деятельности этих мальчишек, очень разных по характеру и темпераменту, то в основе ее лежало одно стремление: помочь маме. Причем помощь заключалась не только в том, что они все делали для того, чтобы чувствовалось, что

в доме есть мужчины: постоянно что-то строгали, ремонтировали, обновляли и совершенствовали, но и выполняли чисто «женскую» работу: мыли полы, чистили картошку и даже кое-что стирали. На примере этой семьи я еще раз убедился в справедливости слов А. М. Макаренко: «Нравственная глубина и единство семейного коллективного опыта — совершенно необходимое условие советского воспитания. Это относится одинаково и к семьям с достатком и к семьям с недостатком».

Я не верю в то, что эта женщина «не имела особых хлопот с сыновьями», — так она мне сказала. Просто под «особыми хлопотами» мы обычно понимаем какие-то серьезные инциденты, проступки, правонарушения, вернее сказать, те последствия, которые они вызывают.

В этой семье настоящих больших ЧП не было. Но это отнюдь не означает, что детей никто не воспитывал. Я еще раз повторяю: в основном воспитывала мать: своим личным примером, своей человеческой душой, мужеством, жизнеутверждающим оптимизмом.

Не случайно, отвечая на мои многочисленные «почему» и «как вам это удалось», она как бы невзначай сказала: «Вы знаете, я не помню, чтобы я им что-то пообещала и не выполнила. По-моему, такого не было».

Это очень легко и очень трудно — быть такой обязательной. Особенно по отношению к себе самой и собственным детям. Но какие отличные плоды дает такая обязательность!

«По нашему глубокому убеждению, — писал А. С. Макаренко, — широко принятое у нас словесное воспитание, то есть бесконечное разглагольствование о разных хороших вещах, без сопровождающей гимнастики поведения, есть самое преступное вредительство. Сознание, не построенное на опыте, хотя и выражается в многословных формах, на деле прежде всего слабосильно, во-вторых, одиноко, не способно творить никакую практику — это то, что для нашего общества наиболее опасно».

Вот почему так значима проблема взаимоотношений между воспитателями и воспитуемыми. Вот

почему столь ценен опыт нравственного воспитания, который позволяет нам не совершать ошибок, которые были допущены другими.

Может быть, кому-нибудь пригодится и наш скромный опыт, тем более, что мы, воспитатели лагеря ТОС, тоже не раз спотыкались и даже падали на этом трудном пути.

СИНЯКИ И ШИШКИ

— Рота, смирно! Слушай приказ! — Герман выходит на середину, он у нас сегодня дежурный воспитатель, и зачитывает приказ: — «Приказ номер шесть по трудовому военизированному лагерю ТОС. Содержание: о лишении права носить погоны тосовца Горшенина Сергея.

21 июля сего года тосовец Горшенин Сергей самовольно покинул расположение лагеря и пошел ловить рыбу. После этого Горшенин совершил еще более тяжкий проступок, уехав в Ленинград, где со своими дружками занимался ограблением сада на Поклонной Горе. Вернувшись в расположение лагеря после вечерней поверки, Горшенин, боясь ответственности, решил провести ночь на сеновале. Была объявлена тревога, и весь лагерь разыскивал его. Лейтенант Дьячков был командирован на розыски в Ленинград. На следующий день к обеду Горшенин сам пришел в расположение роты. В связи с вышеизложенным за злостные нарушения дисциплины и воровство, за волнения, причиненные маме, воспитателям и всему личному составу лагеря, за неоднократные проступки, порочащие славное звание тосовца, приказываю: лишить Горшенина Сергея права носить погоны сроком на одну неделю с конфискацией фуражки, а также лишить права участвовать в походе на военно-морском катере 28 июля сего года.

Начальник лагеря ТОС капитан Марков».

На этих словах стоящий на правом фланге барабанщик начинает бить дробь. Подхожу к Сереже, и вижу, что его подбородок дрожит в такт барабан-

ной дроби. Начинаю отстегивать погоны. Фуражку забирает Герман.

Лица у ребят строгие. Никто Сережу не жалеет. Он это видит, а может быть, и нет, потому что глаза полны слез.

Мы, круглые идиоты, думаем, что его слезы — это наша педагогическая победа. Мы уверены в том, что всеобщее ребячье презрение к нарушителю дисциплины (то, чего мы так усиленно добивались) ставит нас чуть ли не на одну ступень с Макаренко. В этот момент мы еще не знали, что скоро нам придется горько расплачиваться за свое педагогическое невежество.

Среди тридцати-сорока мальчишек почти всегда есть один презираемый и нелюбимый. Такое отношение со стороны ребят обычно имеет под собой достаточно оснований. Как правило, это эгоистичный, злопамятный или жадный и трусливый подросток. А иногда это просто слабый в физическом отношении мальчишка. И бывает так, что он заискивает перед сильными, и в особенности перед взрослыми, которые, мягко выражаясь, тоже не пылают к нему любовью.

И вот в этот момент барабанный бой окончательно добивает его, отняв погоны и фуражку и лишив таким образом возможности хотя бы внешне быть таким же, как все.

Как же мы не могли тогда понять, что это была наша жестокая ошибка!

Сережу Горшенина и раньше задевали, шпыняли и оскорбляли, но тогда это делали несколько человек, теперь же — все. Вот когда мы увидели, что жестокость мальчишеской толпы — это страшная штука.

Конечно, мы, воспитатели, вскоре поняли, что перегнули палку, но было уже поздно. Сережа огрызался и кусался, как волчонок.

Как и следовало ожидать, Сережа сбежал. Сбежал, несмотря на то, что первому отделению было поручено охранять и оберегать его. Мы с Женей Дьячковым поехали к нему домой в Парголово. И там я почувствовал, как он нас ненавидит. При-

жавшись к матери, он повторял: «Не могу я там жить, не могу!..»

Казалось, все было в наших педагогических действиях правильно: во-первых, Сережа своим поведением заслуживал строгого наказания, а во-вторых, для других это должно было послужить уроком.

Но чего мы добились? Ничего, кроме того, что сами получили урок. И все произошло потому, что мы, как и многие другие, в том числе и некоторые профессиональные воспитатели и учителя, смотрели на педагогику как на науку о ребенке, а не о человеке.

Когда мы вернулись в лагерь (нам стоило огромных трудов уговорить Сережу поехать с нами!), Герман сообщил, что в наше отсутствие в роте произошло новое ЧП. Ребята поймали Андрея Малинина, который якобы хотел без разрешения уехать в Ленинград (хотя сам Андрей это категорически отрицал), и, не дожидаясь вечерней поверки, в лесу сами проделали то же самое, что мы сделали с Горшениным. Под барабанный бой с него сорвали погоны, взяли ремень, фуражку и вдобавок раздели до трусов, конфисковав гимнастерку и брюки.

Особенное рвение, как потом выяснилось, проявлял при этом Корнеев, который в своей «обвинительной речи» горячо говорил о необходимости укрепления в лагере воинской дисциплины, о дружбе и товариществе.

Диапазон наших педагогических синяков и шишек был довольно широк: от легких, малозаметных царапин до ощутимых ушибов.

Вот на волейбольной площадке стоит грустный Володя Никульшин.

— Володя, ты что не играешь?

— Да вот не берут меня...

— А ну, ребята, возьмите-ка Вову к себе. Пусть поиграет, место же есть свободное.

Пацаны не хотят брать, ворчат, но ты настаиваешь, и Вова идет на площадку. Играет он действительно плохо. В конце концов его команда проигрывает (она, может быть, и так проиграла бы, но...), и проигравшие во главе со своим капитаном

*Гуляевы, слу-
шавшие мальчишеский
хоровод, сбавились...*

Игорем Галадником орут на Никульшина, делая его козлом отпущения.

Чего добился воспитатель? Ничего хорошего. На него зол Вова («лучше было бы совсем не играть»), его ругают ребята («если бы Анатолий Сергеевич не всунул нам Вовку, то мы бы выиграли»). Недоволен и сам воспитатель (одним конфликтом в лагере стало больше)... Это ошибка небольшая, так сказать, царапина. Но бывают промахи и серьезнее.

Однажды в лагере был такой случай. Виктор Гуляев застал группу мальчишек за игрой в расшибалку. С этим злом мы боролись давно. Ребята играть перестали, но перед туристическим походом на Карельский перешеек играть стали вновь. Среди пойманных оказались: наш старшина Алик Воронов, Галадник, Корнеев, Охотников и Малышев. Все они за это получили по одному наряду вне очереди.

На следующий день после обеда к нам в лагерь должен был прийти с концертом пионерский лагерь «Факел».

Вначале все шло хорошо. Гости пели, читали сти-

хи, а в заключительной части девочки в накрахмаленных марлевых юбочках исполнили танец маленьких лебедей. Во время танца сидящий рядом со мной Витька Малышев вдруг неприлично громко захохотал.

Кругом раздались смешки. Мне показалось, что от «кинозвезды» пахнет вином. Танцовщицы, смущенные мальчишеским хохотом, сбились и убежали с площадки.

— Ну-ка, Малышев, шагом марш в штабную палатку!

Через полминуты опасения подтвердились. Без всякой «реакции Раппопорта» было видно, что Витька выпил.

— Говори, с кем ты пил! — строго спросил я.

Витька молчал, низко опустив голову. Сколько мы ни бились, ничего вытянуть из Витьки не смогли.

Когда концерт закончился и наши гости, запев веселую пионерскую песню, ушли, мы построили роту на передней линейке.

— Кто с Малышевым перед концертом выпивал, два шага вперед!

Первым вышел Галадник, а за ним Алик Воронов, потом Корнеев и Костя Охотников. Я был взбешен: Галадник и Воронов снова рядом с Корнеевым! Вчера они играли с ним в расшибалку, а сегодня!.. Тут же на линейке мы устроили трехминутный педсовет.

— Пьянка коллективная. Да и вели себя на концерте безобразно. Пусть и отвечают коллективно, всей ротой, — предложил Герман. Так мы и порешили.

— Завтра эти пятеро предстанут перед Советом командиров, а сегодня вся рота будет отвечать за их проступок и за идиотский смех во время концерта, — начал я, уверенный в правильности принятого нами решения. — В присяге записано: один за всех, все за одного. Вот и отвечайте все вместе. Может быть, тогда поймете, что такое воинская дисциплина. — Я сделал небольшую паузу и закончил: — Ни один из вас смотреть сегодня матч СССР — Португалия не будет. Можно разойтись!

Не трудно понять, что должны чувствовать па-

цаны четырнадцати-шестнадцати лет, лишенные возможности посмотреть по телевидению один из интереснейших матчей. Они умоляли, кричали, требовали, снова просили, но мы были непреклонны.

Нам смотреть передачу из Лондона пришлось недолго. Не успел Эйсебио забить свой первый гол, как экран нашего телевизора погас и вся палатка окунулась в темноту. Снаружи раздались торжествующие крики отомстивших нам за столь жестокое огульное наказание.

Значительно позже, в «Избранных педагогических произведениях» Януша Корчака я прочитал: «Дети правильно ненавидят огульные обвинения, — писал Корчак. — Почему за проступок одного или нескольких должны отвечать все?»

Если повод к взбучке дал маленький циник, он останется доволен: вместо полной порции гнева ему досталась лишь часть. Честный же будет слишком потрясен, видя столько невинных жертв своего преступления».

Конечно, в данном конкретном случае ребята были виноваты: Корнеев отмечал день своего рождения и принес для гостей бутылку портвейна.

Но мы-то тоже были хороши: своими действиями раскололи лагерь на две стороны. Одна сторона — ребята впервые за все лето выражали коллективно свою ненависть к воспитателям.

Через несколько дней начался пятидневный турпоход, большой и напряженный (на сдачу нормы «Турист СССР»), и холод в наших взаимоотношениях исчез. У костра легко забываются обиды. Однако в данном случае синяк мы поставили себе сами.

...Я никак не могу вспомнить, какие же педагогические промахи мы допускали во время наших походов. А может быть, их просто не было, этих ошибок? И не только потому, что во время походов бывает меньше нарушений дисциплины. Еще и потому, что именно там, как дым ночного костра, улетучивается недоверие между подростками и воспитателями. Не потому ли мальчишка так любит ходить по туристской тропе вместе с отцом или любимым учителем?

Наш первый туристский поход начался не совсем обычно. В 6.00 25 июля в лагере ТОС прозвучал сигнал боевой тревоги. Полусонные, зевая и поеживаясь от бодрящей утренней прохлады, выходили ребята на линейку. Но сон с них как рукой сняло, когда я сообщил, что в район Рошино брошено несколько воинских частей для тушения лесных пожаров, и перед нами ставится задача обнаруживать новые участки горящего леса и вызывать аварийно-спасательные команды. Для этой цели командование академии выделяет нам одну рацию и грузовую автомашину, которая должна доставить нас в район Рошино. Я объявил, что всего нам предстоит прочесать лесную полосу глубиной тридцать километров.

— Мало! — закричали ребята из первого отделения. — Мы можем сто километров прочесать!

— Мало! — поддержали их другие отделения.

— Пройти тридцать километров за одни сутки по азимуту, с полной выкладкой — это не так просто, — сказал Женья. — Это вы сейчас хорохоритесь, а пройдете десять километров форсированным маршем и начнете маму вспоминать.

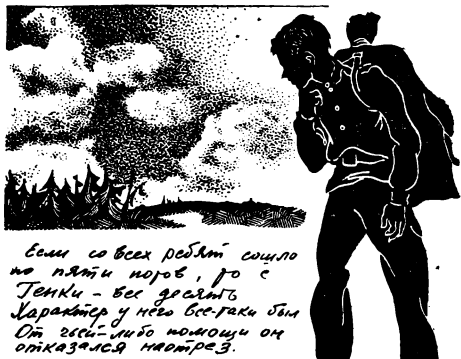
— Посмотрим, кто будет вспоминать! — зашумели ребята.

Было видно, что все сказанное нами они принимают за чистую монету.

Лагерь сразу стал похож на маленький муравейник. Одни тащили из склада продукты питания — сухой паек, другие снимали палатки, а третьи суетливо бегали между передней линейкой и шоссе в надежде первыми увидеть автомашину.

Минут через тридцать на территории лагеря оставалась лишь одна палатка. Она предназначалась для оставшегося Виктора Гуляева и тех, кому Совет командиров не доверил участвовать в выполнении боевого задания. Таких было трое: Генка Корнеев и еще два человека, наказанные за серьезные нарушения воинской дисциплины.

Когда сборы были закончены, Геннадий подошел ко мне:

*Если со всех ребят сошло
по пяти поров, до с
Генки - все дрянь
Характер у него все-таки был
От збей-либо помощи он
отказался напрёз.*

— Товарищ капитан! Разрешите мне поехать. Очень прошу, возьмите меня!..

Увидев отчаянную мольбу в Генкиных глазах, я не устоял:

— Ладно, я соберу сейчас Совет командиров и попрошу отменить принятое решение, но только с одним условием: ты понесешь вещмешок с консервами, который в два раза тяжелее остальных. Согласен?

— Согласен. Я понесу.

Через пятнадцать минут Генка стоял в общем строю, поддерживая руками ляжки мешка с консервами. Он ехал с нами...

Пожар мы потушили только один (горел валежник, специально подожженный ушедшим вперед Германом), а связаться с центральным аварийно-спасательным пунктом нам так и не удалось. Но тем не менее тридцать километров мы прошли побоевому: за восемь с половиной часов! Слабаков и нытиков среди «бойцов спецотряда» не оказалось. Если со всех ребят сошло по пяти потов, то с Ген-

ки — все десять. Характер у него все-таки был. От чьей-либо помощи он отказался наотрез. Мы облегчили его ношу лишь тогда, когда дошли до конечной точки и часть консервов использовали.

Наутро был зачитан приказ о том, что за отличное выполнение боевого задания весь отряд направляется на отдых в лагерь комсомольского и пионерского актива Выборгского района в поселок Барышево.

Туристический поход был чем-то вроде своеобразного сварного шва, спаявшего ребят и взрослых в единый, дружный коллектив. Это произошло прежде всего, наверно, потому, что в течение пяти дней мальчишки редко вспоминали, что мы воспитатели. Так же, как и они, мы тащили на своих плечах объемистые рюкзаки, набитые продовольствием и снаряжением, только у нас вещмешки были тяжелее.

Мы так же, как и они, окоченев в холодной воде Вуоксы, упрямо вытаскивали на берег рванный бредень, оглашая воздух дикими криками радости, если среди водорослей вдруг затрепыхается глупый шурунок. Только заходили мы с бреднем в такие места, куда ребятам зайти было трудно.

Мы так же, как и ребята, дежурили по кухне, чистили картошку, заготавливали дрова, а вечером у костра не только сами рассказывали всякие необыкновенные истории, но и слушали.

А ведь бывает, в городской суматохе из-за нашей постоянной спешки мы, не дослушивая ребят, часто их торопили: «Говори скорей, мне некогда!.. Ну, короче, короче. Разве ты не видишь, что мы спешим?!.. Ну что ты тянешь?..» Это одно из проявлений неуважения взрослого к подростку.

Вспоминается такой случай. Однажды вечером у костра я прочитал ребятам очерк писателя В. Амлинского «История нормального мальчика».

В ней рассказывалось о том, как пятнадцатилетний Володя Дроженин зарезал восемнадцатилетнего Володю Антонова. Из-за ревности, в пьяном угаре убил парня, которого видел первый и последний раз в жизни.

— Человека убил! Да разве нормальные люди могут такое?

— Но поугагать слегка нужно было.

— Из-за девчонки? Я бы никогда!

— Или ее поугагать...

— За что?

Таковы были вначале мнения, вокруг которых развернулась горячая дискуссия. Говорили в основном ребята, говорили спеша, захлебываясь, перебивая друг друга, как будто боялись, что и здесь их не дослушают. Мы молчали. И только тогда, когда ребята выговорились, Женя Дьячков, помешивая палкой угли, тихо сказал:

— А ведь Володя Антонов никогда уже не будет сидеть у костра и есть печеную картошку...

Стало тихо-тихо. Лишь потрескивали горящие сучья и шумели сосны. Дьячков немного помолчал, а потом добавил:

— Когда двадцать пять лет назад погиб Саша Типанов, ему тоже было восемнадцать лет...

А Саша Санин, как бы прочитав Женину мысль, заключил:

— Да, только Саша Типанов погиб как герой, а Володя Антонов — ни за что, ни про что..

Мне кажется, что не только один Санин в тот вечер, может быть, впервые в своей мальчишеской жизни, задумались о смерти. О том, что разная она бывает. И такая, как у Героя Советского Союза Саши Типанова, закрывшего грудью амбразуру вражеского дота, и такая, как у Володи Антонова...

— Вот в том-то и дело, — ответил Женя. — Поэтому и боремся мы с хулиганством и преступностью, чтобы дать возможность человеку жить свободно, радостно, чтобы он пользовался всеми плодами той великой победы, ради которой отдали свои жизни миллионы людей.

Долго еще этой ночью говорили мы с ребятами о подвиге, о его месте в жизни. Однако мальчишки были глубоко убеждены, что настоящие подвиги совершаются только на войне. А война шла, и совершались подвиги, рождались герои. И гибли не только в пылающем Вьетнаме, или мужественной Анголе, или страдающей Алабаме, а и на нашей мирной земле, в наше мирное время.

КОСТЯ НЕСМИЯН

Случилось это 13 августа 1966 года, именно в тот самый летний вечер, когда мы сидели у костра и смотрели, как тысячи искр взлетают к звездам и гаснут, не долетев до вершушек сосен. Мы спорили, ели печеную картошку и пели.

А в это время далеко от нас, в Анапе, в сотне шагов от самого удивительного на всем Черноморском побережье пляжа, упал на землю Человек. Упал и больше не поднялся: тельняшка не кольчуга. А сердце у Человека было трепетное и доброе, как у Данко...

Утром с первыми лучами щедрого южного солнца пришли на пляж отдыхающие, сделали физзарядку и улеглись на лежаках или подстилках. А потом пришли из анапских здравниц дети. Их было, наверно, столько, сколько искр взлетало к небу от нашего костра.

А для него все было кончено: и жизнь, и море, и счастье. Он был такой же мальчишка, как и то-совцы, только мужественнее и мягче.

Все, кто знал этого юношу, говорили именно об этом редком сочетании, которое было для него настолько органичным, что трудно сказать, чего было больше: мужества или нежности, решительности или деликатности, страстности или сдержанности.

Я смотрю на его портрет, и мне кажется, что он чем-то похож на Игоря Галадника. Те же губы, овал лица, взгляд. Теперь, когда я хорошо знаю их обоих, я вижу, что они были схожи и в другом: оба любили спорт, выше всего на свете ставили дружбу, могли другу отдать последнюю рубашку. Но в то же время как они непохожи! Если Игорь был наполовину где-то в прошлом, казался маленьким осколком того, что мы долгое время называли «перехитками», то Костя был весь в будущем, представляя из себя (я не боюсь это сказать) слепок человека нашего коммунистического завтра.

Возможно, Игорь смог бы поступить так, как поступил однажды Костя: сразу после тяжелого баскетбольного матча заменил заболевшего участника

ротной легкоатлетической команды. Не сняв мокрую от пота алую футболку, Костя принял старт, чтобы спасти честь роты. Прозвучал сигнал стартового пистолета. Высокий стройный юноша устремился вперед. Один круг, второй, третий. Вот уже не хватает дыхания. Перед глазами поплыли разноцветные круги. Ну, еще немного! Еще метров двести... сто... пятьдесят... двадцать... И вот, наконец, ленточка финиша! Но нагрузка оказалась слишком велика — Костя пробежал еще несколько шагов и потерял сознание. Может быть, так поступил бы и Игорь. Хочется в это верить.

Но если бы его спросили, любит ли он цветы, Галадник в лучшем случае расхохотался бы: «Что я — девчонка, что ли?» Игорю ничего не стоило изуродовать клумбу, доставая закатившийся туда футбольный мяч, разорить гнездо, сломать дерево. Он и его друзья не относили природу к категории ценностей. Они признавали в основном вещи. Как правило, те, которые приносили им удовольствие. Цветы в этот круг не попадали.

Костя Несмиян очень любил цветы. И часто дарил их маме. И не только в день ее рождения или Восьмого марта. Но и в будни. И еще потому, что так делал отец. Но у Кости было мало денег, и чтобы купить, особенно зимой, веточку мимозы, он экономил на билетах в кино и на спортивные соревнования. А один раз привез Тамаре Константиновне цветы из Москвы, где был на Первомайском параде. Больше всего ему нравились гвоздики... Когда я думаю о Косте, о его короткой, светлой жизни, когда пытаюсь понять, что же надо сделать, чтобы наши «трудные» мальчишки хоть немного стали на него похожими, то мне вспоминаются слова:

Имеющий в руках цветы
Плохого совершить не может.

Не выражена ли в этих двух строчках мысль, важная и четкая, которая должна пронизывать всю нашу воспитательную работу с детьми, — уметь видеть прекрасное, ценить его, возвышаться до него.

Вот и тогда он пришел к ней с цветами. Это были ее любимые махровые гвоздики. По традиции Костя купил три красных и одну белую. Они олицетворяли состав их семьи.

— Мама, мама! — закричал он с порога. — У тебя теперь не дом, а настоящий флотский экипаж! Меня зачислили в учи-и-и-лице!

Выскочил из комнаты пятилетний Алешка.

— Я тоже буду моряком, как папа и Костик!

— А если я не разрешу? — спросила Тамара Константиновна. — Вот уйдете вы все в море, что я одна буду делать?

Алешка хотел было спорить, но, увидев, что мама шутит, передумал...

А еще через два месяца, 13 августа, в тот самый вечер, о котором мы ведем наш рассказ, Костя придет на танцевальную площадку в Анапский городской парк. Он пригласит на вальс высокую стройную девушку из Харькова...

Вальс устарел, — говорит кое-кто, смеясь,
Мир усмотрел в нем отсталость и старость... —

поет Клавдия Шульженко.

Кто сказал, что устарел танец, от которого чуть-чуть кружится голова и кажется, будто обретаешь невесомость? Костя умеет танцевать твист, летку-енку и шейк. Недаром он занимался в хореографическом кружке и однажды даже выступал в Кремле. Но больше всего он любит вальс.

На выпускном вечере в школе Костя пригласил на вальс маму. Все ребята пошли приглашать на первый вальс девушек, а он через весь зал направился к ней. Подошел, ловко щелкнул каблуками и, как настоящий флотский офицер, в знак приглашения наклонил голову. Мама положила руку на Костино плечо, и они легко и плавно закружились.

Эта милая девушка из Харькова (он еще не успел спросить, как ее зовут) тоже очень хорошо танцует. Только вот народу много. Вальс хорошо танцевать в большом зале, под духовой оркестр, когда, закинув чуть-чуть голову, можно увидеть, как

огромная люстра струится рубиновым дождем, как дрожат тысячи хрустальных подвесок.

И вдруг Костя слышит рядом с собой чей-то крик. Он поворачивает голову и видит перекошенные пьяные лица хулиганов, избивающих какого-то парня. Он оставляет девушку и бросается туда. Кто-то помогает ему остановить драку.

Вальс воевал, он в шинели шел, запылен,
Вальс напевал про маньчжурские солки, —

продолжает петь Шульженко.

Костя отходит в сторону, поправляет рубашку и ищет глазами партнершу. Куда же она исчезла? Он идет туда, где пригласил ее. Но, не дойдя до места, снова слышит пьяную брань, шум и крики за спиной.

— Берегитесь! У них ножи! — раздается чей-то испуганный голос.

Двое парней, пытавшихся утихомирить пьяных хулиганов, получают удары ножами: один в руку, другой в бок. Люди испуганно шарахаются в сторону. Пронзительно кричат девушки. Все это происходит в одно мгновение.

— Ну, кто еще? — хрипло кричит один из бандитов, выставив перед собой финку.

Никто не знает, что думал в эту минуту Костя, но он пошел один на пятерых, пошел прямо на нож. За ним, как в бою, двинулись другие парни. И бандиты дрогнули. Тот, на кого шел Костя, побежал первый. За ним остальные. Несмлян бросился в погоню. Вот в темноте парка он схватил одного за рукав. Бандит вывернулся и, оставив в руках Константина пиджак, скрылся. В этот момент Несмлян увидел того самого верзилу, который угрожал финкой. «Задержать! Во что бы то ни стало задержать!» — стучало в висках. Вот когдагодились занятия спортом. Через несколько минут он настиг его. Бандит круто повернулся. Костя не ожидал этого. И вдруг — резкий удар в грудь... Как и тогда, на соревнованиях, он сделал еще несколько шагов и упал. Но на этот раз встать Косте было не суждено. Нож достал до самого сердца...

Костя Несмиян
всю сознательную
жизнь прожил так,
что приносил людям
добро, был им
нужен, полезен,
необходим.

Мы сидим с ребятами у костра и решаем, кому предоставить право пальнуть осветительной ракетой. Бросаем жребий. Счастье улыбается Саше Санину. Он берет ракету в левую руку, а правой резко дергает за шнур. Ракета со свистом взлетает ввысь, загорается и, задержавшись на секунду, начинает медленно опускаться, освещая лес и темное небо. Но вскоре она гаснет...

Возможно, в ту самую минуту упал на землю Костя и перестало биться его сердце.

Когда я встречаю сейчас иногда Сашу Санина и вспоминаю, как он вступился за мальчонку, у которого Корнеев отобрал рыбку, то мне кажется, что этим Саша напоминает Костю. И неважно, что это сходство такое же, как между узенькой тропкой и широкой дорогой, как между ручьем и полноводной рекой: ведь и тропинка выводит на дорогу, ведь даже Волга начинается с небольшого потока.

«Люди — как реки, реки — как люди», — поется в одной хорошей песне. Костя Несмиян всю сознательную жизнь прожил так, что приносил людям добро, был им нужен, полезен, необходим. И пусть

их было не тысячи, не сотни, этих людей, а всего лишь десятки, пусть большинство из них родные, друзья, знакомые, — его жизнь была светлой и цельной и поэтому может служить настоящим примером для нашего юношества. И дело здесь не только в самом Костином подвиге. Просто такие, как он, иначе поступать не могут. То, что случилось в Анапе, было лишь последним трагическим аккордом в этой светлой симфонии.

Когда я задаю себе вопрос, чего бы не смогли сделать мои тосовцы из того, что сделал за свои девятнадцать лет Костя, я вспоминаю одну историю.

Однажды, еще до поступления в Нахимовское училище, будучи в седьмом классе, Константин узнал о том, что в доме по соседству с его школой живет тяжелобольная, парализованная девчущка-первоклассница. У девочки не было отца. Жила она вдвоем с мамой, которая работала. Костя не был волшебником. Он не мог вылечить Танечку, но он смог заменить ей и отца, и брата, и даже маму, когда та уезжала. Нередко по утрам, перед занятиями, особенно когда была хорошая погода (врачи сказали, что девочка должна больше находиться на свежем воздухе), Костя и его товарищ Саша выносили Таню на руках вниз, во двор, а потом бежали за коляской. На большой перемене, когда друзья по классу гоняли футбольный мяч или пустую консервную банку, Костя снова мчался к Тане, поднимал ее на пятый этаж, кормил и сломя голову летел на урок. Скоро Костиному примеру последовали и другие ребята. Над Таней принял шефство весь класс.

Для мальчишки-семиклассника, спортсмена и непоседы, это не просто благородный поступок, как писала тогда о Косте «Комсомольская правда», а своего рода подвиг, не менее значимый, чем тот, который совершил Несмиян в Анапе. Кого-то, возможно, хватило бы на неделю, кого-то на месяц ходить к больной неподвижной девочке. А потом благородный порыв бы иссяк. Костя же, получив увольнительную, частенько по дороге домой забегал к Тане.

Мог ли кто-нибудь из моих тосовцев совершить такое? Я отвечаю: к великому сожалению, нет! А ведь как необходимо, чтобы все наши «трудные» маль-

чишки и девчонки в своем самосознании достигли таких нравственных вершин.

А пока эти тридцать мальчишек, очень похожих и очень разных, сидящих вместе со мной у костра, еще далеки от того, что мы подразумеваем под коммунистическим сознанием. Некоторые из них иногда способны на какие-то импульсивные благородные поступки, но можно сказать, что даже у лучших из них отсутствует потребность делать добро.

Я полюбил Костю Несмияна прежде всего за то, что для него потребность быть полезным (не только родным и друзьям, но и совершенно незнакомым людям) была настолько органична, что являлась как бы частью его самого.

Когда-то, еще в школе, Костя и его одноклассники Ян и Слава на звездолете «Церера-3» взяли курс на туманность Андромеды. У «астронавтов», как и полагается, были красивые, звучные имена: Владилен, Эолла и Гарри. Право отправиться в полет они завоевали на Земле. По мудрым законам землян, чтобы стать астронавтом, недостаточно было изучить физику, механику и астрономию. Надо было еще совершить на земле хотя бы одно большое и доброе дело. И вот спустя несколько лет я листаю «бортжурнал», который первооткрыватели начали вести на Земле, еще до полета. Вот они, их большие и добрые дела: Владилен сделал великое научное открытие, Эолла оставил яркий след в искусстве, а Гарри спас человека.

Этим третьим «астронавтом», вырвавшим незнакомого человека из рук злодеев, был Костя... Так было записано в бортжурнале.

Когда три года спустя после гибели Несмияна я услышал рассказ об этом из уст Владилена — Яна Маликина, — ближайшего Костиного друга, меня поразило удивительное совпадение идеальной мечты о спасении человека с реальной действительностью, ставшей трагическим претворением этой мечты в жизнь.

Здесь было чему удивляться. Однако случайным было то, что убили Костю. Но то, что он, безоружный, спасая людей, бросился на вооруженных бандитов, — это случайностью не было. Это было зако-

номерным потому, что иначе Костя поступить просто не мог.

Мы беседуем с Яном уже несколько часов. Правда, я больше молчу, а он все рассказывает, рассказывает мне про Костю. Узнаю, что писал Константин хорошие стихи, только вот ни одного после себя не оставил. Видимо, был слишком к ним требователен. Узнаю, что возглавлял сборные команды класса и училища по пяти видам спорта и имел первый разряд по баскетболу. Его спортивной мечтой было попасть в сборную страны и сыграть на Олимпийских играх. Был бессменным комсоргом, любящим и заботливым сыном и внуком. Трогательно любил Алешку. Был очень мужественный и в то же время исключительно скромный...

Ян говорить о Косте может без конца. И когда я спрашиваю, что было для Несмияна наиболее характерным, его друг, немного подумав, отвечает:

— Понимаете, он был совершенно лишен эгоизма, и, наверно, поэтому для каждого, кто в нем нуждался, он был опорой, именно опорой... О себе я уже не говорю, — добавил Ян. — Вы даже себе не представляете, сколько он значил в моей жизни.

В Петродворце, где расположено Высшее военноморское училище радиоэлектроники имени А. С. Попова, немало всемирно известных памятников. На стенах дворцов увековечены имена тех, кто создал эти уникальные творения: Козловского, Воронихина, Растрелли. Но есть среди мемориальных досок Петродворца две, на которых золотыми буквами высечены имена не зодчих, не художников и не артистов. Одна — в знак вечной памяти и благодарности потомков тем, кого «бросала молодость на Кронштадтский лед», тем, кто героически погиб в 1919 году при штурме Кронштадта. Другая — герою-комсомольцу шестидесятых годов. На ней слова:

«Аллея имени Кости Несмияна, погибшего 13 августа 1966 года в гор. Анапе при задержании преступников. За самоотверженные действия и мужество курсант ВВМУРЭ * имени А. С. Попова К. В. Несмиян награжден медалью «За отвагу».

* ВВМУРЭ — Высшее военноморское училище радиоэлектроники.

Аллея имени Кости Несмияна... Каждую весну будут набухать здесь почки на деревьях, потом прилетят птицы, зашумят внизу фонтаны и под зеленой кроной вековых лип и вязов зазвонят голоса людей.

И мне кажется символичным, что именно здесь, в Петродворце, недалеко от памятника героям революции, на мраморе высечено имя моряка — комсомольца Константина Несмияна, как и балтийцы, отдавшего жизнь во имя людей, ради их счастья.

...Давно уже рассвело, а мы все сидели вокруг тлеющего костра, и совсем не хотелось спать. Каждый из нас думал о своем, но, наверное, было и что-то общее в наших мыслях.

ЗАВТРАШНИЕ СОЛДАТЫ

Анкета ТОС

(Подпись ставить не обязательно)

1. Где, по-твоему, интересней проводить лето? В городе или в лагере ТОС? (Нужное подчеркнуть.)

2. Какое мероприятие тебе понравилось больше всего за весь лагерный период?

3. Какую работу в лагере ты считал самой скучной и неинтересной?

4. Кого из своих товарищей и взрослых ты уважал больше всего и за что?

5. Кого из своих товарищей по лагерю ты уважал меньше всего и за что?

6. Какое нарушение дисциплины и со стороны кого ты считаешь самым серьезным за весь лагерный период?

7. Чем бы ты хотел заниматься в городе осенью и зимой в свободное от учебы время?

**ЖЕЛАЕМ ТЕБЕ УСПЕШНОГО УЧЕБНОГО ГОДА!
СОВЕТ КОМАНДИРОВ ЛАГЕРЯ ТОС.**

Такую анкету заполнял каждый, кто пришел в кафе «Гренада» на банкет, посвященный закрытию нашего лагеря.

С этого банкета начался наш рассказ. Сейчас мы подходим к концу. Вчитываюсь в эти анкеты. Строки корявые, порой безграмотные, но, как мне кажется, искренние. «Где, по-твоему, интересней проводить ле-

...каждый из них
по-настоящему стре-
лял всего-навсего
одну минуту. Но?
Зато как?! Из чего?
Из настоящего боевого автомата

то? В городе или в лагере ТОС? Все, как один, отве-
чают одинаково: «В лагере!»

А ведь как рвались первое время пацаны в Ленин-
град! А сейчас грустят: «Эх, снова бы в лагеря!»

Листаем анкеты дальше: «Какое мероприятие (да
простят нам это слово!) тебе понравилось больше
всего за весь лагерный период?»

«Стрельба из автомата, походы».

«Стрельба из боевого оружия».

«Стрельба, походы, военная игра».

«Стрельба и спорт».

«Стрельба и походы».

И так все тридцать. Все, как один. А ведь каждый
из них, по-настоящему, стрелял всего-навсего одну
минуту. Но зато как?! Из чего?!

— Из настоящего боевого автомата! Очередями!
(тра-та-та-та-та). По появляющейся мишени!

Боевая стрельба проводилась «под занавес».
На следующий день мы уезжали. И это было не слу-
чайно. Стрелковые тренировки, военные игры, похо-
ды, занятия спортом, наконец, укрепление дисципли-
ны — все было подчинено «гвоздю сезона» — стрель-

бам из боевого оружия. О них думали, к ним готовились, о них рассказывали потом друзьям.

Мне бы хотелось сделать небольшое отступление и поговорить о военно-патриотическом воспитании наших подростков.

Один из исследователей творчества Аркадия Гайдара справедливо заметил: «Он, как никто из наших писателей, был предан армии, военной службе, образу Красного Командира и, как никто другой, умел зажечь мальчишеские сердца не только романтикой войны, но и романтикой военной службы в мирное время, ибо понимал, какое это трудное и большое дело — готовить себя и других к защите Родины».

Эти слова пришли мне на память во время беседы с пожилым майором, работником военкомата. Мы обсуждали новый закон о всеобщей воинской обязанности.

— Закон нужный, своевременный и гуманный, — заметил мой собеседник. — Но на нас сваливается такая дополнительная уйма работы, что уже сейчас голова кругом идет. Ведь подумайте, допризывная подготовка сейчас должна не только компенсировать целый год службы, но и дать юноше больше военных знаний и навыков, чем он получал за весь первый год своего пребывания в армии. Я так понимаю этот закон. Ведь требования к солдату и командиру с каждым годом возрастают.

Майор задумался и закончил:

— Необходимо привить молодежи любовь к военной службе. Чего греха таить: до сих пор кое-кто из наших призывников и их родителей говорит: «воинская повинность», а не «воинская обязанность».

— Другими словами, мало, чтобы на проводах призывников на площади играл оркестр. Надо, чтобы и в душе у парня было светло и торжественно, — продолжил я мысль моего собеседника.

— Вот именно, — обрадовался майор, — а для этого одного закона, пусть самого умного и нужного, мало. Надо всем, начиная от вас, писателей и журналистов, и кончая работниками жилконтор, браться по-настоящему за военно-патриотическое воспитание нашей молодежи.

Вот тут я и вспомнил об Аркадии Гайдаре, писа-

теле, человеке и красном командире, чья любовь к армии была такой же верной, как любовь к детям.

Гайдар в семнадцать лет был командиром полка. Сегодня восемнадцатилетний юноша идет служить в армию солдатом (теперь уже не на три, а на два года). Правомерно ли сопоставлять их? Правомерно ли ставить вопрос о том, что сложнее: командовать кавалерийским полком или быть рядовым в составе расчета современной ракетной установки?

Со времен гражданской войны прошло почти полвека. Вряд ли нужно говорить, какая техническая революция произошла за это время в военном деле.

Сейчас немыслимо, чтобы командир полка был бы без высшего военного (а очень часто и высшего технического) образования. А для этого надо учиться. И не год и не два.

Значит ли это, что для сегодняшней молодежи служба в армии лишена романтики, риска, неожиданностей, то есть всего того, что всегда привлекало и будет привлекать сильную половину рода человеческого?

Мне думается, что не значит.

Однажды к нам в лагерь ТОС приехали комсомольцы из воинской части округа. В ходе своеобразной пресс-конференции Галадник задал вопрос молодому лейтенанту с комсомольским значком на груди:

— Товарищ лейтенант! Вот вы говорите, все должно быть как на войне. А ведь никакой опасности в вашей службе нет!

— Ошибаешься ты, дружок, — ответил лейтенант, — очень ошибаешься. Вот я тебе такой пример приведу. Однажды нашу часть подняли ночью по тревоге. Горели торфоразработки...

С восторгом слушали ребята рассказ о мужестве наших воинов. В этом темпераментном рассказе было все: и взрывы скопившегося под торфом горячего газа, и вой сирен «Скорой помощи», и обожженные солдаты и командиры, которые не выпускали лопат из забинтованных рук до тех пор, пока пожар не был ликвидирован.

— Вот и выяснилось тогда, кто на что способен, — сказал в заключение лейтенант. — Он помолчал, а потом, глядя на Игоря, добавил: — Опасно там было. Очень. Многие солдаты тогда впервые поняли, что на «гражданке» можно всю жизнь проработать с человеком рядом и не узнать, каков он в бою. А тут сразу все видно...

Мы еще недостаточно пропагандируем героикку наших армейских мирных будней. Мало пишем о воспитателях в серых офицерских шинелях, о тех, кого называют отцами-командирами.

Мне рассказали, что после первых выступлений по телевидению писателя Сергея Сергеевича Смирнова в редакцию телестудии хлынул нескончаемый поток писем. Вот что может сделать волшебное слово писателя-бойца, писателя-гражданина! Все отклики объединяла одна главная мысль: мы должны воспитывать нашу молодежь на подвигах дедов, отцов, старших братьев, прививать нашим сыновьям глубокое уважение к боевому ордену, к ранению, к фронтовой дружбе, к службе в Вооруженных Силах.

Однако пропаганда подвига нашего народа в Великой Отечественной войне — это далеко не все в военно-патриотическом воспитании молодежи. Это основа, фундамент. Но само здание надо еще строить, класть кирпич за кирпичиком. И в этой работе очень важно рассказывать о тех, кто сегодня с оружием в руках стоит на страже завоеваний нашего народа.

К этому, по сути дела, и сводится вся допризывная подготовка нашей молодежи. Однако кое-кому за рубежом программа военно-патриотического воспитания советского юношества видится совсем в другом свете. Отдельные западные газеты, журналы и радиостанции поговаривают о «тотальной военизации русских подростков». Не обошла своим вниманием реакционная буржуазная пропаганда и наш лагерь ТОС.

В начале марта 1969 года одна из самых антисоветских западных радиостанций, «Свобода», подготовила передачу: «Советским подросткам вкладывают в руки оружие». Основанием для подобного вывода послужил, как ни странно, репортаж о нашем лагере, опубликованный в журнале «Юность». Чего

только не было в этой «свободной» передаче! И «коммунисты в офицерских шинелях, готовые молодежь к войне», и «несовершеннолетние преступники, готовые по приказу этих офицеров безжалостно убивать всех, кто окажется на их пути», и, конечно, «угроза свободному миру, которую несут с собой советские военно-спортивные лагеря для подростков». Диктор «Свободы» особенно добросовестно цитировал те строки из репортажа, в которых рассказывалось о том, как тосовцы стреляли из автоматов, и даже зачитывал некоторые из приведенных нами выше анкет.

Эта передача лишний раз подтвердила всю актуальность и своевременность постановки вопроса о развертывании военно-патриотического воспитания нашей молодежи. Мало убедить юношу в том, что служба в Вооруженных Силах является священным долгом каждого гражданина нашего государства. Помимо этого, парня надо заинтересовать, сформировать в его сознании желание служить в армии. Надо сделать так, чтобы больше толковых, инициативных и образованных молодых людей хотели стать офицерами, так же как другие хотят стать математиками или биофизиками.

И если в последнее время все большее число молодых людей после окончания средней школы идет учиться в военные академии и училища, это значит, что развернутое военно-патриотическое воспитание молодежи приносит свои плоды. Не случайно в 1969 году в Ленинграде, например, конкурс для поступающих в некоторые высшие военно-учебные заведения был выше, чем в гражданские вузы, в том числе и в университет.

Что касается тосовцев, то почти все они мечтали стать офицерами (правда, многие тяготели к морю), но, увы, для большинства путь к офицерским погонам был закрыт: не хватало образования. «А ведь какие отличные командиры могли бы выйти, скажем, из Игоря Галадника или Сережки Прохорова, — частенько думалось нам, — если бы сумели ребята закончить среднюю школу».

Вот почему в таком лагере, как наш, был очень нужен педагог (во всяком случае, не меньше, чем

оперуполномоченный милиции), который за лето помог бы многим отстающим ребятам избежать второгодничества. Но к сожалению, организовать такие занятия квалифицированно и регулярно нам не удалось.

...Тридцать анкет. Тридцать человеческих характеров. Почти все листки без подписи, но многих ребят нетрудно узнать в лицо.

Вот эта анкета, возможно, принадлежит Галаднику. На вопрос: «Чем бы ты хотел заниматься в городе осенью и зимой в свободное время?» — дан такой ответ: «Продолжать военную подготовку». Многие другие ответы на этот вопрос выражали то же самое желание: «Я хотел бы заниматься в военном молодежном клубе», «Спортом или приемники собирать и в клубе моряков» (и т. д.). Еще ответ: «Хотел бы находиться в коллективе». И подпись: Корнеев.

Одна анкета доставила нам, воспитателям, особенную радость. Закончив отвечать на все вопросы, ее автор написал: «Спасибо за все».

Правда, отгадать, кому принадлежала эта анкета, мы не смогли. Да, честно говоря, и не очень старались. Наверно, потому, что хотелось думать: это — благодарность всех тосовцев.

ТРИ МЕСЯЦА СПУСТЯ...

Закончился сезон. К каждому из нас пришли старые заботы и старые обязанности.

Но вот однажды телефонный звонок принес первую неприятную новость: наш бывший старшина Алик Воронов за драку и хулиганские действия привлечался к судебной ответственности.

Это известие заставило меня задуматься.

Как же могу я писать о каких-то успехах по перевоспитанию «трудных», если лучшие из них снова стали на путь правонарушений?

Неужели наши надежды на то, что мы посеяли в их души толику разумного и доброго, оказались иллюзией?

Взяв список наших бывших подопечных, мы с Женей поехали по отделениям милиции Выборгского района.

Вот что мы узнали. Помимо Алика Воронова, в поле зрения милиции попали еще несколько наших воспитанников: Сережа Горшенин совершил очередной побег из дома и был обнаружен в Киеве; Володя Чиркин украл пальто из раздевалки интерната и тоже пытался куда-то «навострить лыжи»; и даже наш общий любимец Игорь Галадник оказался замешанным в какой-то коллективной драке.

Как ни грустно об этом писать, но, помимо этих трех, еще несколько бывших тосовцев побывали за это время в милиции за более мелкие нарушения.

Конечно, очень хотелось закончить эти очерки иначе. Да мало ли чего еще хотелось нам, наивно уверовавшим в то, что лагерь ТОС станет поворотным пунктом на коротком, но уже тернистом пути наших питомцев.

Но этого не случилось. И случиться не могло, потому что три месяца — это срок достаточный разве для того, чтобы только познакомиться с мальчишками, узнать, чем они дышат, о чем думают. А это лишь первый шаг. После него надо сделать еще очень много на том пути, где больше всего важна преемственность и непрерывность в воспитании, а не «авралы» и «кампании», к которым, увы, иногда прибегаем. О вреде этого говорила Н. К. Крупская. В письме к студентам педагогического института она предостерегала будущих учителей от педагогической штурмовщины, когда какой-либо проступок влечет за собой шумную, но скоро проходящую воспитательную кампанию, убеждала в первостепенности кропотливой, преемственной, профилактической работы. Только таким путем, считала она, можно выковывать из подрастающего поколения новых людей, настоящих коллективистов, умеющих строить светлую, радостную, просвещенную жизнь. «Недаром Ленин писал о высоком звании учителя, — напоминает Надежда Константиновна студентам в этом письме. — ...Тут нужна большая работа над собой, нужно умение вглядываться в жизнь, следить за бурностремитель-

ным потоком, уметь идти в ногу с жизнью, в ногу с великими задачами, которые стоят перед нами. И надо любить ребят».

10 марта 1967 года в Ленинграде в одноэтажном особняке, расположенном позади большого универмага на проспекте Смирнова, произошло событие, имевшее самое непосредственное отношение к нашему рассказу.

В этот день состоялось торжественное открытие военно-спортивного клуба РВС (что означает — «Ребята Выборгской стороны»).

В большом спортивном зале, еще пахнувшем краской, стояло три сотни подростков, одетых в специально сшитую форму.

Начальник клуба, слушатель Ленинградской партийной школы Анатолий Евдокимов подает команду «смирно» и отдает рапорт председателю районного исполнительного комитета.

Какой великолепный подарок получили ребята Выборгской стороны! Спортивно-зрительный зал с боксерским рингом и матами для борьбы, кабинет морского дела, кабинет топографии, радиомастерская, фотолаборатория, библиотека, комната для художественной самодеятельности. И что самое главное — многое сделано руками самих подростков. Поэтому и чувствуют они себя настоящими хозяевами в этой «республике РВС»!

После торжественного церемониала Евдокимов отдает команду приступить к приему новых членов клуба. Звучат слова присяги: «Я — юный житель славной Выборгской стороны города-героя Ленинграда, вступая в ряды членов клуба «РВС», торжественно клянусь...»

После принятия присяги Евдокимов вручает подросткам маленькие красные книжечки — членские билеты клуба «РВС».

Я смотрю на Толю и думаю: как много времени, сил и нервов отдал он для того, чтобы распахнулись двери клуба.

Конечно, ему помогали: и Выборгский райком партии, и райисполком, и обком комсомола, но Толя был душой и мозгом этого начинания.

Евдокимов не только «пробивал» стройматериалы и ездил по предприятиям, которые хоть чем-нибудь могли помочь строительству клуба. Самое главное — он вместе с ребятами создавал этот клуб в прямом и переносном значении этого слова. Анатолий работал вместе с ними: белил, красил, выносил мусор, давая понять мальчишкам, что клуб им будет по-настоящему дорог лишь тогда, когда они создадут его собственными руками.

Длинный, слегка сутулый Анатолий всегда был в окружении мальчишек, которые, казалось, висели на нем, как хлопущие на елке.

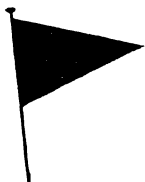
Но больше всех любили его ребята из школы-интерната, мальчишки из так называемых «разрушенных» семей. В свою очередь, и у Евдокимова к этим подросткам (а их было немало в клубе) было особо бережное отношение. Если он замечал у кого-либо из них проявление честности, бескорыстия, трудолюбия или благородства души, он радовался этому бурно и непосредственно, от удовольствия потирая огромные, похожие на лопаты руки...

Вот и в день открытия своего детища Евдокимов с особым удовольствием вручает награды интернатским ребятам, отличившимся на строительстве клуба.

А когда очередь доходит до Коли Евлентьева, бывшего тосовца, бригадира лучшей бригады плотников, начальник клуба, растроганный и возбужденный, снимает со своей руки часы и вручает их вместе с подарком остоленевшему и растерянному Коле.

Оказывается, перед самым открытием клуба Евлентьев, которого в интернате считали одним из самых нечестных и неисправимых подростков, нашел в умывальнике оставленные кем-то часы и передал их Евдокимову, чтобы тот разыскал владельца.

Вот заканчивается принятие присяги. Духовой оркестр исполняет Гимн Советского Союза. Эрвээсовцы стоят по команде «смирно» с развернутым знаменем на правом фланге. У знамени Виталий Корешков. Мы встречаемся с ним глазами и незаметно для окружающих улыбаемся друг другу.

*«Взвод! Равняйтесь! Смирно!
командует на плацури
негалебник шгоба РВС...»*

*«Любавиц капитан
второго ранга, - взвод
учеки Константин
Несмияна по службе
вашего отъезда построен.»*

Если вам придется быть в Ленинграде на проспекте Смирнова и захочется взглянуть на ребят из лагеря ТОС, зайдите в этот клуб — вас всегда встретят приветливо.

Войдя в вестибюль, вы увидите около знамени большой фотопортрет юноши в форме воспитанника Нахимовского училища. Это Костя Несмиян. Его имя носит взвод, состоящий из многих бывших тосовцев. Ребята из клуба РВС многое могут рассказать вам о Косте. И о его второй жизни, которая началась здесь в клубе.

Они расскажут, как летом в лагере на торжественных построениях, когда старшина произносит Костину фамилию, правофланговый морской роты отвечает: «Курсант Несмиян героически погиб при задержании опасных преступников».

Они расскажут, как пришли однажды на вокзал проводить отца Кости, капитана второго ранга Владимира Степановича Несмияна, получившего назначение на Тихий океан. Пришли строем, в парадной форме с развернутым знаменем. Московский вокзал никогда еще не видел такого почетного караула!

— Взвод! Равняйсь! Смирно! — командует на платформе начальник штаба РВС и строевым шагом подходит к офицеру в морской шинели. — Товарищ капитан второго ранга, взвод имени Константина Несмияна по случаю вашего отъезда построен!

Ребята вручают ему выпел с фотографией Кости. Они просят этим выпелом награждать лучшего матроса воинской части, где служит Костин отец. Один из мальчишек принес Владимиру Степановичу свой личный подарок — модель военного корабля — плод кропотливой полуторагодовой работы. Наступают минуты прощанья. Отец Кости подходит к мальчишкам и обнимает каждого из них. Трогается поезд. Машет рукой Несмиян. Бегут за поездом тридцать его новых сыновей.

Расскажут ребята и о том, как летом приезжала с Алешкой в лагерь Тамара Константиновна. Как угощали ее эрвээсовцы ухой, собирали для нее малину, катали на моторке Алешку.

И они, может быть, расскажут о том, как хотят стать такими, как Костя, как любят свой клуб, как хотят, чтобы у них было больше друзей, отдающих им не только свободное время, но и — что самое главное — теплоту своих щедрых сердец.

Мы часто пишем и говорим об эстафете поколений, о необходимости преемственности в воспитании подростков. Все это справедливо.

Но иногда получается, что эта эстафета состоит из одного-единственного этапа — школы. Бывает, что ежедневно после конца занятий, а также летом после окончания учебного года учителю некому передать путеводную «палочку». У многих мальчишек жизнь складывается так, что семьи, где они воспитываются, и дворы, где проводят свободное время, не могут принять эту эстафету.

Мне почему-то кажется, что если бы клуб РВС открылся не 10 марта, а с начала учебного года гостеприимно распахнулись его двери для тех, кто вернулся из летних трудовых военно-спортивных лагерей, мы обошлись бы без печального осеннего рейда по отделениям милиции Выборгской стороны.

Но, как говорится, нет худа без добра. ЭТОТ рейд

послужил еще одним толчком к тому, чтобы спустя некоторое время открылся клуб РВС, который хоть и с опозданием, но все-таки принял от нас эстафету.

Пусть же будет более успешным этот новый этап, пусть будет на нем поменьше срывов и неудач, и побольше успехов, радостей и побед.

Доброго пути вам, мальчишки!

Доброго пути вам, тосовцы!

СОДЕРЖАНИЕ

В «Гренаде» на Выборгской	7
Как это начиналось?	8
Первый блин	15
«Макароны по-флотски»	23
О собаке Эльзе, детской лжи и тосовской присяге	31
Милиционер	38
Мы — розы молодые	49
«Воронья гора»	56
Сереза Прохоров	65
Правонарушители с «золотыми руками»	71
Синяки и шишки	79
На Вуоксе	85
Костя Несмиян	89
Завтрашние солдаты	97
Три месяца спустя...	103

Махов Феликс Сергеевич

ЛЕТО В ЛАГЕРЕ ТОС. М.,
«Молодая гвардия», 1970.
112 с., с илл. (Ровесник).

371+3КСМ

Редактор

Т. КОСТИНА

Художник

В. ГАЛАЦКИЙ

Художественный редактор

Н. КОРОБЕЙНИКОВ

Технический редактор

Н. ТУРКИНА

Корректоры

К. ПИПИКОВА, А. ДОЛИДЗЕ

Сдано в набор 11/III 1970 г. Под-
писано к печати 29/VI 1970 г.
A02656. Формат 84×106¹/₃₂. Бумага
№ 2. Печ. л. 3,5 (усл. 5,88). Уч.-изд.
л. 5,5. Тираж 100 000 экз. Цена
17 коп. Т. П. 1970 г., № 173.
Заказ 405.

Типография издательства ЦК
ВЛКСМ «Молодая гвардия». Моск-
ва, А-30, Сушчевская, 21.

**В 1970 году в издательстве
«Молодая гвардия»
выйдут следующие книги,
посвященные вопросам
коммунистической морали:**

Н. Атаров, НЕ ХОЧУ БЫТЬ МАЛЕНЬКИМ

**Е. Добровольский, ГРЕЧЕСКИЙ ЦАРЬ
ЛЕОНИД**

**А. Чаковский, БЛАЖЕННЫ ЛИ НИЩИЕ
ДУХОМ**

В. Еременко, СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

